

ВСЕСЛАВ
ЗИНЬКЕВИЧ

«НЕСВЯДОМАЯ»

ИСТОРИЯ БЕЛОЙ РУСИ

Всеслав Зинькевич

«Несвядомая»
история Белой Руси

«Книжный мир»

2017

Зинькевич В.

«Несвядомая» история Белой Руси / В. Зинькевич —
«Книжный мир», 2017

ISBN 978-5-8041-0897-8

Данная книга называется ««Несвядомая» история Белой Руси», потому что в ней белорусская история излагается без националистических искажений и передёргиваний, свойственных так называемым «свядомым» (сознательным) мифотворцам. Автор опирается исключительно на достоверные исторические источники, работы авторитетных учёных (прежде всего белорусских) и базовые законы логики. То есть на всё то, чего так недостаёт «свядомым» авторам. В книге рассматриваются все периоды истории Беларуси: древнерусский, литовско-польский, имперский и советский, и в каждом из них прослеживается единая нить общерусской историко-культурной традиции. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся белорусской историей.

ISBN 978-5-8041-0897-8

© Зинькевич В., 2017

© Книжный мир, 2017

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Особый «состав крови» как главный аргумент сторонников самостийности	8
Что говорят учёные о «составе крови»	12
Происхождение и расселение славян	15
Заселение славянами территории Белоруссии	17
Рождение Руси	22
Образование полоцкой ветви династии Рюриковичей	26
Брячислав Изяславич	29
Всеслав Брячиславич	30
Полоцкое княжество после Всеслава	34
Общерусская жизнь в удельный период	36
Евфросиния Полоцкая и её крест	39
Глава 2	43
Возникновение ВКЛ	45
«Белорусы – это литвины!»: разбор одной фальсификации	50
Чьё государство ВКЛ?	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Всеслав Зинькевич

«Несвядомая» история Белой Руси

© В. Зинькевич, 2017

© Книжный мир, 2017

Предисловие

В постсоветский период в Республике Беларусь вышло огромное количество научно-популярной литературы, излагающей антирусскую версию белорусской истории. Авторы этих работ считают себя «свядомыми» (сознательными) белорусами/литвинами, призвание которых состоит в просвещении тёмных народных масс, считающих русскую культуру своей и испытывающих по отношению к России братские чувства. Пытаясь сконструировать новую белорусскую (литвинскую) идентичность, современные местечковые националисты прибегают к нехитрому приёму, опробованному их предшественниками в начале XX века: объявляют часть литовской и польской истории «славными страницами истории Беларуси», а литовских князей и польских мятежников – «белорусскими героями».

Конструирование «свядомой» истории щедро оплачивается западными некоммерческими фондами, а потому книжные магазины белорусских городов завалены литературой, в которой «великими белорусами» называются, к примеру, литовский князь Миндовг и польский мятежник Тадеуш Костюшко. Несмотря на свою вопиющую антинаучность, «свядомые» конструкции постепенно внедряются в сознание граждан Беларуси. Абсурдность русофобской мифологии компенсируется напористой националистической пропагандой, транслируемой через негосударственные СМИ.

Так, в марте 2016 года крупнейшее в РБ информационное агентство TUT.BY сообщило, что к ним в редакцию обратился отец пятилетнего мальчика с жалобой на то, что в одном из гомельских детских садов ребёнку регулярно предлагают сфотографироваться в русской военной форме. Вот слова возмущённого отца, которые приводит TUT.BY: «Такое ощущение, что из детей готовят защитников России, а не Беларуси. Но история Беларуси богата своими героями. Вместо московских витязей можно сфотографировать детей в образе воинов ВКЛ (доспехи отличаются), вместо российских гусар использовать изображения крылатых гусар ВКЛ и Речи Посполитой, которые долгое время были самой сильной армией Европы. Сейчас Беларусь – суверенное государство со своей армией. Зачем же детям прививать любовь к истории чужой страны, а не своей?»¹ Выходит, что в сознании родителя Великое княжество Литовское и Речь Посполитая – это «свои» государства, а Россия – «чужое». И эти представления он, несомненно, передаст своему чаду...

Помимо жалоб в редакции негосударственных СМИ, одурманенные «свядомой» пропагандой граждане РБ применяют и куда менее безобидные способы борьбы с общерусской историей. Например, 30 марта 2015 года в городе Кобрине Брестской области на памятнике и бюсте Александра Васильевича Суворова появились провокационные таблички с надписью: «Я – русский оккупант! Я участвовал только в захватнических войнах. Я сжигал белорусские сёла, а их жителей обращал в своих рабов... Мои руки по локоть в крови ваших предков!»² Ранее, в декабре 2014 года, неизвестные вандалы разбили мраморную плиту памятника русскому генерал-майору, герою Отечественной войны 1812 года Якову Петровичу Кульневу³. Осквернение данного монумента стало закономерным итогом проведённой местечковыми националистами кампании по дискредитации подвига русских героев Отечественной войны и героизации сражавшихся на стороне Наполеона польских шляхтичей.

¹ Папа о детсадовских фотографах: «Зачем 5-летнего ребенка снимать в российской военной форме?» // Сайт TUT.BY. URL: <http://news.tut.by/society/486641.html>

² На памятнике Суворову в Кобрине повесили таблички «Я – русский оккупант» // Сайт «Белорусский партизан». URL: <http://www.belaruspartisan.org/life/300265/>

³ Вандалы осквернили памятник герою Отечественной войны 1812 года генерал-майору Якову Кульневу // Сайт «Мой Полоцк». URL: <http://polotsk.ws/?p=12589>

Пример соседней Украины показывает, что переписывание общерусской истории и «война с памятниками» могут привести восточнославянскую республику к серьёзным социальным потрясениям. Для того чтобы не допустить в Беларуси повторения «украинского сценария», необходимо вести активную научно-просветительскую деятельность, направленную на популяризацию в белорусском обществе истинной, а не «свядомой» истории Белой Руси.

Данная книга является, пожалуй, первым научно-популярным исследованием, излагающим историю Белоруссии без националистических искажений и передёргиваний. Автор опирается исключительно на достоверные исторические источники, работы авторитетных учёных (прежде всего белорусских) и базовые законы логики. То есть на всё то, чего так недостаёт «свядомым» авторам. По этой причине наша работа получила название ««Несвядомая» история Белой Руси».

Глава 1

Этногенез белорусов и древнерусский период белорусской истории

Особый «состав крови» как главный аргумент сторонников самостийности

Этногенез белорусов начиная с первой четверти XX века является не столько научным вопросом, сколько основанием для политических спекуляций со стороны местечковых националистов, пытающихся обособить белорусов от остальных русских. Тема особого «состава крови» у жителей Белоруссии красной нитью проходит через все работы самостийных учёных и публицистов.

В начале XX века белорусские национал-сепаратисты называли белорусов «чистокровными» славянами, противопоставляя их «нечистокровным» великорусам и украинцам. Так, известный «свядомый» историк Митрофан Довнар-Запольский в своей книге «История Белоруссии» (1925 г.) писал: «Белорусское племя сохранило наибольшую чистоту славянского типа, и в этом смысле белорусы, подобно полякам, являются наиболее чистым славянским племенем. В историческом прошлом Белоруссии нет никаких элементов скрещивания, потому что никакие народы в массе не поселялись в этой стороне. В этом смысле белорусы в сильной мере отличаются от украинцев и великороссов. Хотя Северная Украина является также местом исконного поселения славян, однако она была страной нередкого отлива и прилива чужеродного народа, что в сильной мере способствовало изменению славянского типа украинцев. В нём очень много примесей тюркской крови, остатков печенегов, чёрных клобуков, торков, половцев и, наконец, татар. Здесь впоследствии в массе развились польские колонизации. Великорусское же племя явилось в сильнейшей мере результатом скрещивания славянского племени с финнами и тюрками»⁴.

Такой же позиции придерживался другой корифей белорусской самостийной историографии – Всеволод Игнатовский: «Если сравнить белоруса с великорусом или украинцем, то выйдет, что он есть представитель самого чистого этнографического типа восточнославянского русского племени. Это объясняется обстоятельствами его предыдущей исторической жизни. Из истории Белоруссии мы видим, что белорусское племя на протяжении всей своей жизни не сливалось с народностями других рас. Не так было с великорусами и украинцами: они жили при таких условиях, что им невозможно было сберечь свой древний этнографический тип... Много веков и великорусы, и украинцы прожили под турко-монгольским господством и их этнографическим влиянием. На севере и северо-востоке русские племена в своём расселении встречались с финно-монголами. Великорусские племена сливались с финнами и русифицировали их... Что касается белорусов, то мы знаем, что турко-монгольская лавина до них не докатилась, а финно-монгольские племена не были их соседями»⁵ («Краткий очерк истории Белоруссии», 1926 г.).

Этногенетическая обособленность белорусов от остальных русских подчёркивалась не только самостийными историками, но и другими участниками белорусского националистического движения. Например, поэт Максим Богданович в статье, написанной в 1915 году,

⁴ Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. Минск, 2011. С. 24.

⁵ Ігнатоўскі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 1992. С. 25–26.

отмечал: «Белорусы не впитывали в себя целого моря финских элементов и не подвергались воздействию татарщины, как великорусы. В противоположность им, они не порывали с началами, выработанными в предыдущий период русской жизни, а развивались на старом корне»⁶.

Если отцы-основатели белорусского самостийного проекта считали белорусов самыми «славянистыми» из славян, то их последователи усилили этногенетическое дистанцирование белорусов от великорусов при помощи теории балтского происхождения белорусского этноса, в рамках которой белорусы объявлялись либо балтами, либо славянами, имеющими балтский субстрат.

Впервые идея балтского происхождения белорусов была озвучена белорусским коллаборационистом времён Великой Отечественной войны Витовтом Тумашом, писавшим в эмиграции исторические сочинения под псевдонимом Симон Брага. В 1950 году Тумаш издал брошюру «Балтский элемент при появлении современного белорусского народа», в которой он вслед за своими предшественниками подчёркивал: «Те славянские племена, из которых позже возник народ русский, своей экспансией охватили на севере пространства, заселённые плотной массой племён семьи финской, а на юго-востоке – татаро-монгольской... Ненамного преувеличивал некогда известный российский историк Покровский, когда говорил, что сегодняшние русские имеют у себя не менее 90 % неславянских элементов». При этом белорусы, по мысли Тумаша, также не являлись чистокровными славянами: «В своей предназначенной историческим ходом событий экспансии на север белорусские племена встретили балтские народы, через века инфильтровали их и в конце концов слились с ними биологически, отдав им попутно свой славянский язык... Безусловно, сегодня сложно точно сказать, насколько большая доля этого балтского элемента вошла в состав сегодняшнего белорусского народа, но неоспоримым фактом является то, что [балтский элемент] наложил своё клеймо на наш национальный характер, нашу психику... Присутствие балтского элемента в нашей биологической субстанции поясняет не только антропологическую, но и духовно-психологическую нашу близость к современным нашим балтским соседям... Наши пращуры всегда лучше понимали и сживались с соседними балтскими племенами, нежели с московскими «славянами»»⁷.

В постсоветский период теория балтского происхождения белорусов приобрела крайне радикальные формы и стала мейнстримом в среде националистической интеллигенции. Свидетельства балтского происхождения белорусского этноса «свядомые» авторы ищут буквально во всём. Порой поиски балтских корней приобретают совершенно гротескные формы. Так, Георгий Давидюк пишет: «Весьма схожи у белорусов и балтов архитектура жилья и надворных построек. Национальная одежда белорусов и балтов тоже имеет много общего. Широко распространённую у этих народов вплоть до XX века обувь – лапти – белорусы заимствовали от балтов, ибо славяне до прихода на эту территорию такой обуви не знали»⁸. Забавно, что коллега Давидюка по самостийному мифотворчеству, Вадим Деружинский, использует те же самые лапти как аргумент для обоснования финского происхождения великорусов: «В российских фильмах жизнь древних финно-угров подаётся как жизнь «славян». Правда, одеты эти «славяне» почему-то в финскую одежду и финскую национальную обувь – лапти, которую ни один славянский (или славяноязычный) народ не носил»⁹.

⁶ Багдановіч М. Беларусы // Творы М. Багдановіча у 2 т. Т. 2. Менск, 1928. С. 151.

⁷ Брага С. Балцкі элемент пры паўстанні сучаснага беларускага народа // В. Тумаш. Выбраныя творы. Мінск, 2002. С. 31

⁸ Давидюк Г. Балтский субстрат в формировании белоруской народности // Предыстория белорусов с древнейших времён до XIII века. Составитель и редактор А.Е. Тарас. Минск, 2010. С. 245, 253.

⁹ Деружинский В.В. Тайны белоруской истории. Минск, 2012. С. 65.

Для того чтобы прояснить суть современной балтской теории, взятой на вооружение белорусскими националистами, позволим себе привести ещё одну цитату из работы Деружинского (авторская орфография сохранена): «Современный белорусский этнос является фактически соединением этноса литвинов (изначально ятвягов и дайновов Западной и Центральной Беларуси) и этноса кривичей Восточной Беларуси (или «белорусцев», как их называли москвиты)... Вполне справедливо можно полагать, что нынешний этнос белорусов на 60–70 % состоит из потомков литвинов и только на 20–30 % из белорусов – продукта смешения этносов ятвягов и кривичей. Причём и ятвяги-литвины, и кривичи-белорусы – исконно балты, а вовсе не славяне... Литвины-белорусы родственны только с мазурами Польши и лужицкими сербами. Белорусы – западные балты, а русские и восточные украинцы – славянизированные финны»¹⁰. Отметим, что кардинальная смена этногенетической парадигмы (были белорусы чистокровными славянами – стали балтами) никак не поколебала характерный для местечковых националистов тезис о том, что белорусы и поляки – родственные народы.

Этногенетические изыскания самостийных учёных и публицистов изначально преследовали лишь одну цель – вычленив белорусов из русской массы. По своему недоумию местечковые интеллектуалы всерьёз полагали, что «черепомерка» – надёжный инструмент для доказательства национальной субъектности. Это хорошо видно по высказыванию крупного националистического деятеля начала XX века Вацлава Ластовского: «О том, что сегодняшняя «Великороссия» не славянский край, свидетельствует не только неславянский тип великорусов (поставьте рядом минчанина и пензенца и сравните две совсем разные расы людей!), но и неславянские имена рек и озёр. Даже «матушка Волга» носит не славянское, а финно-монгольское имя!»

Интересное сравнение: пруссаки, эта мешанина немцев, пруссов (литвинов) и славян, выдают себя за «истинных немцев» и кричат о своём немецком призвании.

Великорусы, эта мешанина варягов, кривичей, украинцев, на 999/1000 финнов и татар, выдают себя за «истинных славян» и кричат о своём славянском призвании (сравните пожелание Пушкина, чтоб все славянские ручьи слились в русском (московском) море)»¹¹.

То есть, по логике пана Ластовского, баварцы, саксонцы, швабы и другие немецкие субэтносы не должны были объединяться под властью Пруссии, поскольку в жилах пруссаков течёт «смешанная» кровь.

¹⁰ Деружинский В.В. Тайны белорусской истории. Минск, 2012. С. 14, 34.

¹¹ Ластоўскі В.Ю. Аб «славянстве» маскалёў // В.Ю. Ластоўскі. Выбраныя творы. Мінск, 1997. С. 391–392.

Слева – уроженец Северной Франции актёр Пьер Ришар, справа – уроженец Южной Франции, коренной француз, биатлонист Мартен Фуркад. Как сказал бы пан Ластовский, «две совсем разные расы людей!»

Примитивный расизм белорусских «будителей» начала XX века характерен и для сегодняшних «свядомых» белорусов, которые очень любят искать во внешности великорусов финские или татарские черты, якобы доказывающие невозможность для белорусских и российских граждан жить в рамках одного политического пространства. При этом местечковым националистам даже не приходит в голову, что, например, во Франции коренные жители севера и юга страны очень сильно отличаются друг от друга по фенотипу, однако это не мешает им быть частями одной нации.

Мы не разделяем примордиалистских взглядов «свядомой» интеллигенции и считаем основными маркерами национальной идентичности родной язык и культуру. Как прекрасно написал поэт Александр Городницкий, «родство по слову порождает слово, родство по крови порождает кровь». Однако мы не можем не обратить внимания на то, что генетические исследования демонстрируют несостоятельность теории балтского происхождения белорусов.

Что говорят учёные о «составе крови»

Как известно, человек наследует ДНК обоих биологических родителей, однако гены не наследуются целиком, происходит рекомбинация – фрагменты генов из поколения в поколение перемешиваются и замещают друг друга, образуя новые комбинации. Исключение составляют два участка ДНК, которые мы получаем от отца и от матери: Y-хромосома и митохондриальная ДНК (мтДНК) соответственно. При этом названные однородительские маркеры со временем подвергаются неизбежным точечным мутациям. Это даёт возможность увидеть небольшие отличия в генетическом коде представителей различных популяций.

Изучение накопившихся в Y-хромосоме и мтДНК современных людей мутаций позволило генетикам в 1990-х годах выделить отдельные гаплогруппы – генеалогические группы, имеющие несколько общих мутаций. Каждая гаплогруппа имеет определенную географическую привязку и своё буквенно-цифровое обозначение.

При изучении генофондов Европейского континента наиболее информативны гаплогруппы Y-хромосомы, поскольку распределение гаплогрупп мтДНК у европейских этносов более-менее единообразно и требуются специальные усилия, чтобы выявить различия между популяциями. По Y-хромосоме, напротив, межэтнические различия проявляются весьма отчётливо.

Таблица частотности гаплогрупп по странам¹²

Nearctic Haplogroups		African Haplogroups					Eurasian Haplogroups						
I1: pre-Germanic (Nordic)		N1a1: Uralo-Finnic, Baltic, Siberian					I1a1: Balto-Slavic, Germanic, Indo-Iranian						
I1b1: pre-Celto-Germanic		Q2a: Caucasian, Greco-Anatolian					I1b2: Balto-Celto, Germanic, Hittite, Armenian, Tocharian						
Qa1: Sardinian, Iberian		E1b1b1: North African, Near Eastern, Balkanic					J1: Caucasian, Mesopotamian, Semitic (Arabic, Jewish)						
Qa2: Dinaric, Danubian		T: Middle Eastern, East African					J2: Greco-Anatolian, Mesopotamian, Caucasian						
Region/Haplogroup	I1	Qa	Qb	I1a	R1a	Q2a	J2	J1	E1b1b	T	Q	R1b1	
Belarus	1.5	17.5	1	11	5.5	1.5	2.5	1	4	5	3	52	
Ukraine	2.5	13	1.5	11	7.5	2.5	7	1	1.5	1	1	7.5	
Russia	1	10.5	1	11	6	1	7	5	1.5	1.5	1.5	21	
Latvia	1	1	1	11	12	2	1.5	5	1.5	1.5	1.5	38	
Lithuania	1	6	1	11	6	2	3	2	1	1.5	1.5	42	

Генетическое своеобразие славян определяется сочетанием следующих гаплогрупп Y-хромосомы: R1a и I2a. Частотность первой из них в большинстве славянских выборок (включая Республику Беларусь) составляет порядка 40–50 % и более, частотность второй – порядка 10–20 %. Столь высокая концентрация обеих гаплогрупп одновременно не зафиксирована больше ни у одной этнической общности, включая балтов, от которых славян чётко отделяет гаплогруппа I2a.

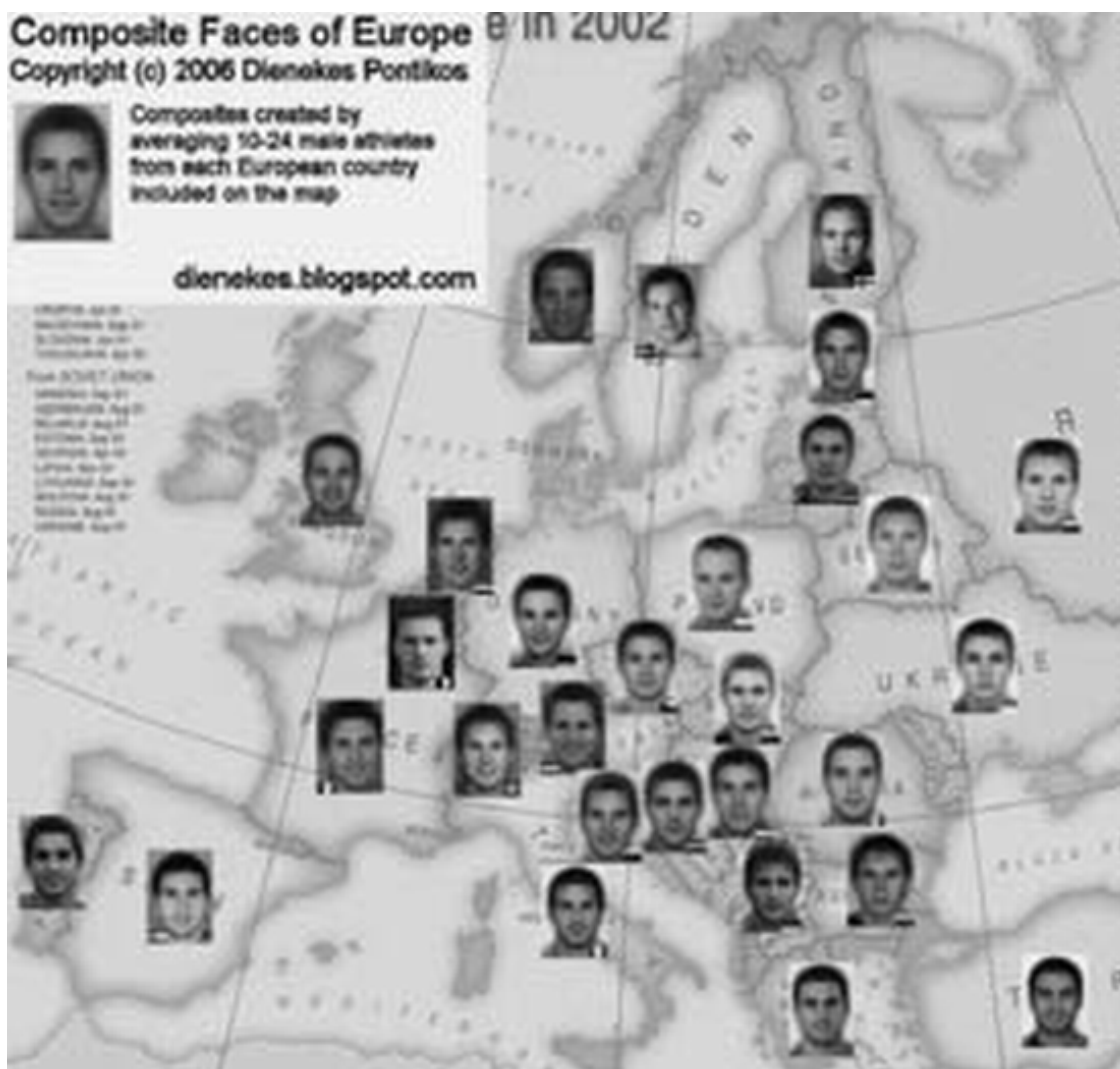
Как видно из таблицы, для жителей Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины характерна очень высокая концентрация «славянских» гаплогрупп R1a и I2a. Первая составляет в РБ 51 %, в РФ 46 %, на Украине 45 %, вторая – в РБ 17,5 %, в РФ 10,5 %, на Украине 13 %. Для сравнения в таблице указана частотность гаплогрупп в Латвии и Литве.

В исследовании, проведённом ведущим российским геногеографом Олегом Балановским и его белорусским коллегой Олегом Тегако, сделан однозначный вывод: «По наибо-

¹² Distribution of European Y-chromosome DNA (Y-DNA) haplogroups by region in percentage // Сайт Eupedia. URL: http://www.eupedia.com/europe/european_y-dna_haplogroups_by_region.shtml

лее генетически информативным маркерам Y-хромосомы белорусы обнаруживают высокое сходство с восточными славянами и большинством западных славян, но генетически далеки от балтов. Причём удалённость от балтов одинаково велика и для северных, и для южных белорусов». Помимо изучения Y-хромосомы, Балановский и Тегако провели картографический анализ генофонда белорусов и пришли к следующему заключению: «Белорусы входят в генетическое пространство русского генофонда, близкого к генофонду всех восточных славян. Причём белорусские популяции расположены ближе к средним русским показателям, чем многие русские популяции (особенно на севере и востоке русского ареала). В целом, русский генофонд наиболее полно представляет генофонд всех восточных славян, а белорусский генофонд – малую часть его изменчивости»¹³.

Выводы генетиков подтверждаются анализом фенотипа жителей трёх восточнославянских государств. Так, греческий антрополог и известный блогер Dienekes Pontikos провёл исследование внешности легкоатлетов из ряда европейских стран и составил портреты типичных европейцев. Ожидаемо оказалось, что белорус, великорус и украинец похожи друг на друга, как родные братья.

¹³ Балановский О.П., Тегако О.В. Генофонд белорусов по данным о трех типах генетических маркеров – аутосомных, митохондриальных, Y-хромосомы // Актуальные вопросы антропологии. Минск, 2008. Т. 2. С. 53–65.

Как видим, серьёзные исследования «состава крови» недвусмысленно говорят о славянском происхождении белорусов. «Свядомый» миф о том, что белорусы – балты, не имеет под собой научных оснований. При этом балтские этносы всё-таки жили на территории Белоруссии, однако с течением времени они без остатка растворились в славянском море. Рассмотрим, как это произошло.

Происхождение и расселение славян

Прежде всего следует разобраться с тем, как произошло рождение славянского этноса и где находилась его прародина.

Как установлено исторической наукой, славяне принадлежат к древней индоевропейской общности, включающей в себя германские, романские, кельтские, балтские, иранские, индийские («арийские») и другие народы, расселившиеся к 1000 году до н. э. на огромном пространстве от Атлантического океана до Индийского и от Ледовитого океана до Средиземного моря. Отметим, что сегодня индоевропейцы – это исключительно языковая общность, в генетическом плане индоевропейские народы весьма далеки друг от друга.

Распад некогда единого индоевропейского языка был многоактным процессом, растянувшимся на тысячелетия. На первом этапе обособились и стали развиваться как самостоятельные этноязыковые образования анатолийцы, затем индоарии, иранцы, армяне, греки, фракийцы и тохары. Языки же индоевропейских племен, заселивших центральную часть Европы, оформились в самостоятельные относительно поздно.

Этноязыковую общность, существовавшую в Центральной Европе во II тысячелетии до н. э., принято называть древнеевропейской. Этой этноязыковой общности соответствует археологическая культура среднеевропейской общности полей погребальных урн. Со временем из среды древнеевропейцев (или среднеевропейцев) вышли кельты, италики, иллирийцы, германцы, балты и славяне.

Становление славянской этнической общности и её языка началось в I тысячелетии до н. э., этот процесс представлял собой эволюцию диалектов древнеевропейского языка в самостоятельный праславянский язык. С большой долей вероятности можно сказать, что во второй половине I тысячелетия до н. э. праславянский язык уже развивался обособленно от других индоевропейских языков.

В XX веке в исторической науке обозначились два основных подхода к определению славянской прародины: одни исследователи полагали, что первичной областью расселения славян являлось Среднее Поднепровье, другие считали, что славянская прародина размещалась западнее, на Висле, и доходила до Одера. Академик Борис Рыбаков решал вопрос о прародине славян путём объединения обоих указанных подходов: по его мнению, славяне изначально жили на пространстве от Среднего Днепра до Одера. Схожую позицию занимал чешский историк-славист Любор Нидерле.

На наш взгляд, наиболее обоснованной представляется точка зрения известного археолога Валентина Седова, который утверждал, что первому этапу развития славян соответствует археологическая культура подклёшевых погребений, датированная 400–100 годами до н. э. Её первоначальной территорией были бассейны среднего и верхнего течения Вислы и притока Одера Варты. Во II веке до н. э. ареал культуры подклёшевых погребений расширился до среднего течения Одера на западе и до окраинных регионов Волыни и Припятского Полесья на востоке. Седов пишет, что наиболее восточными памятниками указанной культуры являются могильники Млынице близ Владимира-Волынского и Дрогичин недалеко от Пинска¹⁴. Примечательно, что Любор Нидерле также считал южную Белоруссию частью славянской прародины: по его мнению, славяне изначально проживали в районе среднего течения Березины, а также по течению Сожа и Ипути¹⁵.

Следующий этап в истории славян ознаменовался тесными контактами с кельтами, в результате чего культура подклёшевых погребений трансформировалась в пшеворскую.

¹⁴ Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. Москва, 2002. С. 70.

¹⁵ Нидерле Л. Славянские древности. Москва, 1956. С. 33.

Кельтский субстрат оказал мощное воздействие на развитие пшеворской культуры, наследие кельтов проявилось в керамическом производстве, металлургии, кузнечном деле и погребальной обрядности.

Во II–III веках значительные массы пшеворского населения из Висло-Одерского региона переместились в лесостепные районы междуречья Днестра и Днепра, заселенные в то время сарматскими и позднескифскими племенами, принадлежавшими к иранской языковой группе. В то же самое время к Чёрному морю двумя потоками продвинулись восточногерманские племена – готы и гепиды. В итоге в Северном Причерноморье сложилась полиэтничная Черняховская культура, в состав которой вошли скифо-сарматы, славяне и германцы. В области территориального смешения славянского населения со скифо-сарматским сформировалось раннеславянское племенное объединение, известное в исторических источниках как анты.

Таким образом, в первые века нашей эры славяне заселяли территории двух археологических культур: пшеворской, занимавшей земли сегодняшних Польши, Западной Украины и Южной (или Юго-Западной) Белоруссии, и Черняховской, располагавшейся на Западной и Центральной Украине.

Изложенная концепция славянского расселения находит подтверждение в исторических источниках. Так, остготский историк Иордан в своём трактате «О происхождении и деяниях гетов» (вторая половина VI века) пишет: «От истока реки Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венедов. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племён и местностей, однако главным образом они именуются склавины и антами. Склавины живут от города Новьетуна и озера, которое именуется Мурсианским, до Данастра, а на севере до Вислы. Место городов занимают у них болота и леса. Анты же, храбрейшие из них, живя на изгибе Понта, простираются от Данастра до Данапра. Реки эти отстоят друг от друга на много дневных походов». Несмотря на то, что точное местонахождение города с кельтским названием Новьетун и Мурсианского озера до сих пор не установлено, из текста Иордана понятно, что венеды (так древние авторы называли славян) изначально жили на Висле, а затем одна их часть, склавины, расселилась от Днестра (Данастра) на юге до Вислы на севере, а другая часть, анты, заняла междуречье Днестра и Днепра (Данапра). Очевидно, под склавины имелось в виду пшеворское население, а под антами – черняховцы, расположение этих двух культур в общих чертах соответствует изложенной Иорданом схеме расселения венедов.

Заселение славянами территории Белоруссии

Период с IV по VII век вошёл в историю Европы как эпоха Великого переселения народов. На это время приходится пик миграционных процессов, охвативших практически весь континент и радикально изменивших его этнокультурный и политический облик. Вовлечённые в процесс переселения, славяне продвинулись из своей Висло-Одерской прародины на Восточно-Европейскую равнину и Балканский полуостров, наметив тем самым будущее разделение славян на западных, восточных и южных.

Можно выделить несколько причин, заставивших значительную часть славянства покинуть территорию первоначального проживания. Уже сам факт того, что славяне за относительно короткое время смогли не только расселиться на огромных пространствах Восточной и Юго-Восточной Европы, но и прочно укрепиться на новых местах среди других народов и в последующем ассимилировать их, позволяет сделать вывод, что славян было очень много и в границах их прародины возникла высокая плотность населения. Перенаселённость вполне могла привести славян в движение. Кроме того, в конце IV века в Центральной Европе серьёзно ухудшились климатические условия: наступило резкое похолодание, увеличилось количество осадков, повысился уровень рек и озёр, поднялись грунтовые воды, разрослись болота. Многие поселения в Висло-Одерском регионе оказались затопленными или сильно подтопленными, а пашни – непригодными для сельскохозяйственной деятельности. Это заставило славян искать более благоприятные для жизни земли. Также в качестве причины славянской миграции часто называют давление со стороны соседних народов, прежде всего германских.

Так или иначе, в середине I тысячелетия н. э. начинается массовое расселение славян на территории Белоруссии, которую до этого занимали разрозненные балтские племена: ятвяги, дайнова, лотва, латыгола и голядь. Согласно исторической концепции местечковых националистов, смешение славян с ранним населением Восточно-Европейской равнины привело к «зарождению новых народов – белорусов, украинцев и русских»¹⁶. Произошло это по следующим формулам: славяне + балты = белорусы, славяне + скифо-сарматы = украинцы, славяне + финно-угры = русские. Как мы уже отмечали, наиболее радикальные самостийники славянскую составляющую восточнославянских этносов полностью отрицают, в результате чего белорусы оказываются балтами, а великорусы – финно-уграми; украинцев, впрочем, белорусские радикалы считают братьями (особенно после «Евромайдана») и скифо-сарматами публично не называют.

Однако упрощённые конструкции «свядомых» историков не выдерживают соприкосновения с научными фактами. До середины I тысячелетия н. э. балты заселяли область от юго-восточных берегов Балтики до верхнего и среднего течения Оки, т. е. балтский регион включал в себя значительную часть земель будущей Великороссии.

Древнерусская летопись датирует пребывание балтского племени голядь в районе подмосковной реки Протвы 1147 годом. В этом году черниговский князь Святослав Ольгович по приказу суздальского князя Юрия Долгорукого совершил военный поход на проживавших в Подмоскovie балтов («...и шед Святославъ и взя люди Голядь, верхъ Поротве»). Кроме того, с той же подмосковной голядью, скорее всего, связано отмеченное летописями событие 1248 года: «И Михаиле Ярославичъ московский убьень бысть от Литвы на Поротве». Московский князь Михаил Хоробрит погиб в сражении с «Литвой на Протве», под которой, очевидно, понимались потомки голяди. На основе топонимов и гидронимов, производных от этнонима «голядь», исследователи очерчивают довольно широкий регион расселения этого племени –

¹⁶ 100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі / Уклад. І. Саверчанка, Зм. Санько. Менск, 1993. С. 5.

от верховьев Клязьмы на севере до верховьев Жиздры на юге и от верхнего течения Днепра на западе до окрестностей Москвы на востоке. Исходя из этого, можно сделать вывод, что голядь занимала немалую часть великорусской территории и довольно долго оставалась не до конца ассимилированной.

Как видим, если следовать логике «свядомых» интеллектуалов, в белорусы следует записать большое количество тех самых «москалей», которых так не любят указанные интеллектуалы, или в крайнем случае – объявить коренных жителей Смоленской, Калужской и Московской областей отдельным от других русских народом, поскольку, например, славяне, заселявшие новгородские земли, ассимилировали не балтов, а финно-угров.

В действительности подавляющее большинство балтского и финно-угорского населения, проживавшего на Восточно-Европейской равнине, довольно быстро растворилось в славянской этнокультурной среде. Этому в значительной степени способствовал тот факт, что культурное развитие и балтов, и финно-угров протекало в замедленном темпе, им не были знакомы плоды римской цивилизации, которыми пользовались славяне, жившие по соседству с Римской империей. Славянами был освоен и внедрён в жизнь целый комплекс предметов, которых не знали их восточные соседи. В качестве главного свидетельства прихода славянского населения в лесную зону Восточной Европы археологи называют появление там начиная с V века изделий провинциально-римского происхождения: конского снаряжения, пинцетов из бронзы и железа (они использовались как туалетные щипчики, медицинский инструмент и орудие мастеров-ювелиров), железных серпов, жерновов для ручных мельниц. Кроме того, славяне принесли с собой зерновые культуры – рожь и овёс, неизвестные балтам и финно-уграм. Имея значительный перевес в уровне материальной культуры, а также численное превосходство, славянское население без труда смогло ассимилировать автохтонов Восточно-Европейской равнины.

Примечательно, что в Повести временных лет (древнерусском летописном своде начала XII века, составленном монахом Киево-Печерского монастыря Нестором) фактически отсутствуют сведения о взаимоотношениях пришлых славян с местным балтским населением на территории Белоруссии. И это при том, что в летописи довольно много внимания уделено этнографии стран Европы, особенно соседей Руси. Данное обстоятельство можно объяснить лишь тем, что к началу XII века балты, проживавшие на территории Белоруссии, полностью сошли с исторической арены.

Начальным этапом славянизации балтского ареала Белоруссии следует считать тушемлинскую культуру, существовавшую в V–VII веках и пришедшую на смену днепро-двинской культуре и культуре штрихованной керамики, которые имели балтскую атрибуцию. Территория тушемлинской культуры включала Смоленское Поднепровье, Полоцко-Витебское Подвинье и смежные с ним земли верхних течений Вилии, Немана и Березины.

В составе носителей тушемлинских древностей присутствовали две этнические группы – балты и славяне. Некоторые «свядомые» историки упорно оспаривают славянскую составляющую тушемлинской культуры, однако ещё советскими археологами на территории Смоленщины и Северной Белоруссии было найдено большое количество браслетообразных височных колец, датированных серединой и третьей четвертью I тысячелетия н. э. Такие кольца были излюбленным женским украшением значительной части раннесредневековых славян. Они подвешивались к головной повязке или вплетались в волосы и свешивались у висков обычно с обеих сторон головы. В восточном направлении ареал браслетообразных височных украшений простирался далеко за пределы ареала тушемлинской культуры: аналогичные украшения обнаруживаются в памятниках междуречья Волги и Оки. В этой связи есть все основания относить часть носителей тушемлинских древностей к славянской этнической общности.

На рубеже VII и VIII веков в Смоленском Поднепровье и Полоцко-Витебском Подвинье получают распространение длинные курганы, именуемые в исторической литературе смоленско-полоцкими. Становление культуры длинных курганов на Смоленщине и в Северной Белоруссии объясняется инфильтрацией в данный регион жителей псковских земель, где длинные курганы появились двумя-тремя веками ранее. Таким образом, общий ареал длинных курганов охватывал три древнерусские исторические области – Псковскую, Полоцкую и Смоленскую. Племенное объединение, жившее на этой территории, именовалось кривичами.

Кривичи, наряду с дреговичами и радимичами, были предками белорусов. При этом кривичи проживали также на территории Великороссии и, соответственно, приняли участие в формировании великорусской народности. Повесть временных лет даёт следующую информацию о расселении кривичей: «Иже с#дять на верхъ Волгы, и на в#рхъ Двины и на в#рхъ Дн#пра, ихъ же и городъ есть Смол#нескъ; туда бо с#дять кривичи». Исходя из этого абсурдной представляется концепция Вацлава Ластовского, который отождествлял белорусов с кривичами и даже предлагал переименовать Белоруссию в Кривию. Помимо участия кривичей в этногенезе великорусов, против концепции Ластовского свидетельствует тот факт, что кривичи занимали только северную часть территории Белоруссии, южнобелорусское население формировалось на основе дреговичей и радимичей.

В последнее время в белорусской националистической историографии и публицистике предпринимаются попытки обосновать идею о балтской этнической атрибуции кривичского племенного объединения. При этом местечковые националисты, как всегда, руководствуются принципом «если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов». В Повести временных лет полочане (локальная кривичская группировка, жившая на территории Северной Белоруссии) прямо отнесены к славянской этнической общности. В летописном рассказе о расселении славян на Восточно-Европейской равнине говорится: «Такоже и т# же слов#не, пришедше, с#доша по Днепру и наркошася поляне, а друзии деревляне, зане с#доша в л#с#хъ, а друзии с#доша межи Прип#гью и Двиною и наркошася дреговичи, и инии с#доша на Двин# и нарекошася полочане, р#чькы ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота, от сея прозвашася полочан# (здесь и далее курсив наш. – Прим. авт.). Слов#не же с#доша около озера Илмера, и прозвашася своимъ именемъ, и сд#лаша городъ и нарекоша й Новъгородъ. А друзии же с#доша на Десн#, и по Семи, и по Сул# и наркошася с#веро. И тако разидеся словенескъ языкъ». Как видим, полочане однозначно причислены автором летописи к славянам.

О славянской принадлежности кривичей ясно свидетельствует и сам их этноним, имеющий чисто славянскую природу и стоящий в ряду других славянских этнонимов с суффиксом – *ичи*: радимичи, дреговичи, вятичи и т. д. Типологически этноним «кривичи» имеет очевидный патронимический характер (потомки Крива), и в этом плане он аналогичен таким славянским племенным названиям, как «радимичи» (потомки Радима) и «вятичи» (потомки Вятко). Балтская этнонимия не знает суффикса – *ичи* и патронимических этнонимов.

Также следует обратить внимание на то, что в латышском языке Россия именуется словом «Krievija», а русские – «krievi». Белорусов латыши называют «baltkrievi» (baitis – белый). То есть имя племени кривичей балты перенесли на всё население Руси, что свидетельствует об этнокультурном единстве кривичей с другими восточнославянскими племенными объединениями, из которых сложилась древнерусская народность. К этнонимам балтских языков следует относиться предельно внимательно, поскольку данные языки являются одними из самых архаичных среди индоевропейских, а балты – древнейшие соседи славян.

Любопытно, что на Пелопонесском полуострове зафиксирован топоним «Kryvitsani», который, очевидно, связан со славянским этнонимом «кривичи». Не случайно византийский император Константин Багрянородный практически тождественной пелопонесскому

«Kryvitsani» формой именовал восточноевропейских кривичей. По всей видимости, в ходе бурных событий эпохи славянского расселения одна часть кривичей оказалась в Восточной Европе, а другая – на юге Греции.

Другим племенным объединением, принявшим участие в этногенезе белорусов, были дреговичи. Повесть временных лет помещает их между Припятью и Западной Двиной: «а друзии с#доша межи Прип#тью и Двиною и наркошася дреговичи». Назвав эти реки, летописец, безусловно, указал не точные границы земли дреговичей, а лишь примерное место их расселения. Не подлежит сомнению, что бассейн Западной Двины принадлежал кривичам. Реальной же северной границей дреговичских поселений была линия, проходящая через Борисов и Заславль. То есть дреговичи занимали Центральную и большую часть Южной Белоруссии.

Как убедительно доказал Валентин Седов, дреговичи выделились из среды дулебов, праславянского племенного образования, занявшего территорию от верхнего течения Западного Буга до поречья Днепра. Помимо дреговичей из дулебов вышли также волыняне, поляне и древляне. Интересно, что все указанные новообразования, кроме волынян, получили свои названия от характера местностей, где они обитали: название полян образовано от слова «поле», древлян – от слова «древно», а дреговичей – от белорусского слова «дрыгва» (трясина).

Известно, что в VII–IX веках часть дреговичей жила в Македонии, к западу от Солуни (эта ветвь дреговичей именуется в византийских источниках другувитами). Академик Евфимий Карский высказал предположение, что македонские дреговичи были одними из тех славян, на язык которых уроженцы Солуни Кирилл и Мефодий перевели первые богослужебные славянские книги. «Ведь святые братья, просветители славян, естественнее всего на первых порах должны были писать на том славянском языке, который был знаком им с детства»¹⁷, – отмечал Карский. Учитывая то, что дреговичи получили своё название от болотистой местности Припятского Полесья, расселение данного племени на Балканах, несомненно, происходило с территории Белоруссии. Следует отметить, что проживание представителей крупных племенных образований в различных, порой весьма удалённых друг от друга регионах славянского мира – вполне распространённое явление. Помимо уже упомянутых кривичей в Восточной Европе и Греции, можно вспомнить ободритов на Дунае и в Полабье, сербов балканских и сербов лужицких, хорватов в Прикарпатье и Хорватии, полян Малой Польши и полян киевских, словен на Ладоге и в Словении.

Третьим славянским племенем, жившим на территории Белоруссии, были радимичи. Они заняли юго-восток Белоруссии, а именно междуречье Днепра и Сожа (Днепр отделял радимичей от дреговичей). Повесть временных лет говорит об этом племенном объединении следующее: «Радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо два брата в ляс#хъ: Радимъ, а другый Вятко, и, пришедша, с#доста: Радимъ на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятко с#де своимъ родомъ по Оц#, от него прозвашася вятичи». Видимо, память о недавнем прибытии радимичей и вятичей на реки Сож и Оку во времена летописца (начало XII века) была ещё так свежа, что он счёл нужным рассказать даже предание об их родоначальниках – Радиме и Вятко.

Примечательно, что радимичи и вятичи названы в летописи не русскими племенами, а ляхскими (т. е. западнославянскими). Евфимий Карский предположил, что оба эти племени жили когда-то к западу от дреговичей, в непосредственном соседстве с ляхскими племенами. Такого же мнения придерживался Любор Нидерле. Как бы то ни было, неоспоримым является тот факт, что радимичи, вошедшие в состав белорусского (суб)этноса, и вятичи, составившие этническую основу великорусов, имели общее происхождение.

¹⁷ Карский Е.Ф. Белорусы. Т.1. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903. С. 70.

Несмотря на то, что кривичи, дреговичи и радимичи впоследствии составили белорусскую народность, в домонгольский период истории Руси не просматривалось никаких предпосылок для слияния северных и южных славянских племён будущей Белоруссии в некую самостоятельную страну. Изначально полоцкие кривичи относились к северной конфедерации восточнославянских земель во главе с Новгородом и поддерживали связи с другими кривичскими группировками. С дреговичами и радимичами, тяготевшими к киевскому центру, они соперничали за сопредельные земли. В дальнейшем все три племенные объединения были интегрированы в древнерусскую народность.

Рождение Руси

Кривичи, дреговичи, радимичи, поляне, древляне, вятичи, ильменские словене и другие восточнославянские племенные объединения представляли собой политические образования, у которых со временем появились свои вожди, старейшины и ополчения. Можно сказать, что восточнославянские племена к IX веку вошли в предгосударственное состояние, то есть к этому времени в восточнославянских землях сложились условия для образования государства (были построены крупные города, начала развиваться торговля, возникло имущественное неравенство и т. д.), однако ещё не появился слой профессиональных управленцев, готовых осуществлять базовые государственные функции.

Положение восточных славян осложнялось тем, что их северные земли входили в зону варяжской дани, а южные – в зону дани Хазарскому каганату. Территория Белоруссии в этом плане была разделена на две части: жившие на севере кривичи платили дань варягам (летописец сообщал об этом так: «Имаху дань варязи, приходяще изъ заморья, на чюди, и на слов#нехъ, и на меряхъ и на вс#хъ кривичахъ»), жившие на юго-востоке радимичи – хазарам. Дреговичи в связи с этими сюжетами не упоминаются; возможно, они принадлежали к тем немногим восточнославянским племенным объединениям, которые не находились в зависимости от соседних народов.

Начало русской государственности Повесть временных лет связывает с призванием в Новгород варягов во главе с Рюриком; в этом судьбоносном для Руси событии самое непосредственное участие приняли предки белорусов – кривичи. По словам летописца, в 862 году славянские и финно-угорские племена изгнали варягов за море, не дав им дани, и начали «сами собою владеть». После этого между ними вспыхнула усобица: «...не было среди них правды, и встал род на род». В том же году новгородские словене, кривичи, чудь и весь отправили посольство за море, к варягам-руси, чтобы сказать им хрестоматийные слова: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». На этот призыв откликнулся варяг Рюрик, которому суждено было стать родоначальником княжеской – а впоследствии царской – династии Рюриковичей. Варяжский князь пришёл на земли восточных славян со своими родичами и дружиной, одному из своих мужей он пожаловал кривичский город Полоцк, первое летописное упоминание о котором датируется как раз 862 годом.

Обратим внимание на то, что вместе с новгородскими словенами и кривичами в призвании варягов участвовали финно-угры – чудь и весь. Как писал выдающийся русский историк Николай Карамзин, «новгородцы и кривичи были тогда, кажется, союзниками финских племён, вместе с ними плативших дань варягам: имев несколько лет одну долю и повинуюсь законам одного народа, они тем скорее могли утвердить дружескую связь между собою»¹⁸.

Об этническом происхождении Рюрика (и варягов вообще) историки спорят по сей день. По наиболее распространённой версии, он был скандинавом, однако некоторые учёные считают его славянином из Южной Прибалтики. Однако даже если пришлый варяг имел скандинавские корни, его род очень быстро славянизировался: уже внук Рюрика носил бесспорно славянское имя Святослав.

После смерти Рюрика в Новгороде стал править Олег – то ли его родственник, то ли приближённый дружинник. На попечение Олега был оставлен малолетний сын Рюрика – Игорь. На долю Олега, прозванного летописцем «Вещим», выпало объединение под одной властью двух политических центров восточных славян – Новгорода и Киева. Повесть временных лет сообщает, что в 882 году Олег собрал большое войско, состоящее из варягов,

¹⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.1. Москва, 2003. С. 83.

новгородских словен, кривичей и финно-угорских племён, и двинулся на Киев, где в тот момент княжили варяги Аскольд и Дир. Очевидно, северный князь не хотел кровопролитного сражения, а потому прибег к хитрости. Оставив позади своё войско, Олег вместе с юным Игорем и немногими дружинниками приплыл в Киев, скрыл вооружённых ратников в ладьях и велел объявить киевским правителям, что варяжские купцы, направляющиеся из Новгорода в Византию, хотят видеть их как друзей и соотечественников. Аскольд и Дир, не подозревая обмана, вышли к Олегу и в тот же момент были окружены его воинами. Преемник Рюрика сказал: «Вы не князья и не знатного рода, но я князь», и, показав Игоря, добавил: «Вот сын Рюриков». После этого Аскольд и Дир были убиты. Заняв Киев, Олег сделал его столицей своего государства и объявил «матерью городов русских».

Включение Новгорода и Киева в единое политическое образование, ставшее именоваться Русью, создало ту территориальную ось, вокруг которой со временем объединились все восточнославянские племена. Повесть временных лет сообщает, что в 883 году Олег покорил древлян, а в следующем году – северян. 885 годом датировано летописное известие следующего содержания: «Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даёте дань?» Они ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но давайте мне». И дали радимичи Олегу столько, сколько хазарам давали. И овладел Олег древлянами, полянами, радимичами, а с уличами и тиверцами воевал». Дреговичи вошли в состав государства Рюриковичей, скорее всего, в период правления княгини Ольги (945–959 гг.), жены сына Рюрика, поскольку в 949 году византийский император Константин Багрянородный упоминает дреговичей-другивитов в качестве данников киевского правителя.

Объединив под своей властью большую часть восточнославянских племенных союзов, а также некоторые финно-угорские племена, Олег в 907 году двинулся в поход на византийскую столицу – город Константинополь (Царьград). Его войско состояло из «множества варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мери, и полян, и северян, и древлян, и радимичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи». То есть в походе участвовали и предки белорусов – кривичи и радимичи.

В летописи говорится, что столица Византии сдалась, когда воины Олега поставили корабли на колёса и подошли к Константинополю со стороны суши. Летописец упоминает также о щите, прибитом русским князем к воротам Царьграда в знак победы. На это обстоятельство в XIX веке обратит внимание А.С. Пушкин в своём стихотворении «Песнь о вещем Олеге»: «Победой прославлено имя твоё; // Твой щит на вратах Цареграда».

Русско-византийская война 907 года завершилась мирными переговорами, в ходе которых Византия обязалась заплатить по 12 гривен каждому русскому воину, а также «даяти углады [дань] на *русские города*: п#рвое на Киевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславль, и на *Польтескъ*, и на Ростовъ и на Любечъ и на прочая города; по т#мъ бо городомъ с#дыху князья, подъ Ольгом сущее» (Повесть временных лет). Как видим, Полоцк (Польтескъ), наряду с Киевом и Ростовом, причислен к «русским городам», а его князь обозначен как подвластный Олегу.

Справедливости ради следует отметить, что в первые годы существования Древнерусского государства некоторые племенные объединения ненадолго выходили из-под власти великого киевского князя. Это произошло, например, с радимичами. Повесть временных лет рассказывает, что в 984 году состоялся новый поход на радимичскую землю киевских войск. Воевода великого князя Владимира Святославовича по прозвищу Волчий Хвост разбил радимичей в битве на реке Пещани, и те вновь оказались в составе Руси.

Со временем восточнославянские племена консолидировались в единую древнерусскую народность, и племенной сепаратизм остался в прошлом. Этой консолидации способствовал целый ряд факторов.

Формирование единого самосознания жителей Древней Руси было связано прежде всего с осознанием себя подданными династии Рюриковичей, представители которой пользовались исключительным правом на политическую власть в любой части Древнерусского государства. Такой династический характер формирования идентичности был типичен для Средневековья: аналогичным образом самосознание поляков и чехов дифференцировалось из общей этнической основы, разделённой на владения Пястов и Пржемысловичей, а венгерский и болгарский этносы, наоборот, консолидировались из разных компонентов под властью потомков соответственно Арпада и Крума.

Помимо династии Рюриковичей важным институтом, консолидировавшим восточнославянские племена, была великокняжеская дружина – организация воинов-профессионалов, противостоящая племенным ополчениям предшествующей поры. Дружинное сословие объединяло людей разного этнического происхождения, в него входили выходцы из всех восточнославянских племенных образований, а также представители балтских, финно-угорских, скандинавских и тюркских племён. Древнерусская дружина была первым крупным надплеменным образованием, сформировавшимся из разноэтничного населения, и, соответственно, дружинная культура была первым шагом на пути к созданию общерусской культуры. Дружина требовала частой ротации и пополнялась выходцами из различных племенных образований. Прослужив по несколько лет в единой культурной среде, дружинники возвращались в свои родные места уже не кривичами, дреговичами, вятичами или мерей, а русскими.

Великокняжеская дружина в X – первой половине XI века была основным элементом государственного управления на Руси. Дружина принимала участие в осуществлении полюдья – сбора дани с восточнославянских племён, подвластных киевскому князю. Русское полюдье довольно подробно описано в трактате византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X века): «Зимний и суровый образ жизни этих самых русов таков. Когда наступает ноябрь, князья их тотчас выходят со всеми русами из Киева и отправляются в полюдье, то есть круговой обход, а именно – в славянские земли древлян, дреговичей, кривичей, северян и остальных славян, платящих дань русам. Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле, когда растает лёд на Днепре, возвращаются в Киев, собирают и оснащают свои корабли и отправляются в Византию».

Существенную роль в становлении древнерусской народности сыграли многочисленные города и их обитатели. Древнерусские города с момента их основания оказывались весьма пёстрыми в этническом отношении, что способствовало стиранию межплеменных различий. Так, в конце X века, когда киевский князь Владимир Святославич для защиты южных рубежей Руси «...нача ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне», для их строительства и проживания в них были собраны жители многих областей Руси: «И поча нарубати муже лучшие от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичъ, и от сихъ насели грады».

На всей территории Древней Руси имела место единообразная материальная культура. К примеру, металлическое убранство костюма горожанок не обнаруживало каких-либо региональных различий. Височные кольца, изготовленные городскими ремесленниками в разных стилях и технике, получили широкое распространение во всех городах Руси и из городов нередко поступали в сельские округа. Бронзовые браслеты и перстни из древнерусских городов составляли несколько типов, но все они в равной степени имели хождение по всему восточнославянскому ареалу. Ювелирные изделия, выполненные в сложной технике (зернь, скань, чернь, эмаль), также распространялись по всей Русской земле.

Огромное значение для цементирования древнерусской народности имело Крещение Руси. Церковь внесла неоценимый вклад в развитие просвещения, в создание литературных ценностей, произведений изобразительного искусства и архитектуры.

С принятием христианства связано становление литературного языка, который имел хождение на всей территории Древней Руси. Население, принявшее христианскую религию, в той или иной мере соприкасалось со старославянским языком, на котором была написана древнерусская литература и совершалось отправление церковных обрядов. При этом имело место сложное взаимодействие между письменным языком и разговорной речью. Постепенно разговорный язык впитывал в себя элементы письменного языка, что способствовало формированию языкового единства на Руси.

Одним из лучших русских литераторов Средневековья был туровский епископ Кирилл. Написанные Кириллом поучения, торжественные слова и молитвы многократно переписывались во всех без исключения княжествах Древней Руси. Как отмечал академик Карский, произведения Кирилла Туровского по своему языку ничем не отличались от сочинений других русских писателей того времени.

О высокой оценке современниками произведений Кирилла Туровского свидетельствуют строки из его жития: ««Съи бе блаженный Кирил рождение и въспитание *града Турова, в Рустей стране* тако нарицаема, богату родителю сын... Приидете днесь, братие, похвалим своего святителя, глаголюще ему: Радуйся, святителю честный и учителю нашъ, *другий Златоуст, иже нам в Руси паче всех восиа*, радуйся, святителю, иже пресветлым учением своим *конца рускыа просветив*»».

Таким образом, государственные институты и культура Древней Руси стали тем плавающим тиглем, который преобразовал конгломерат разношёрстных восточнославянских племён, а также славянизированных балтов и финно-угров в единое этнокультурное сообщество – Русь. Границы Руси в период её рождения включали территории сегодняшних Российской Федерации, Республики Беларусь и Украины. Яркой иллюстрацией единства Русской земли поверх нынешних границ между восточнославянскими государствами является тот факт, что княжившая в Киеве Ольга была уроженкой Пскова и основательницей Витебска. Символом духовного единства восточных славян в древнерусский период можно считать строительство Софийских соборов в Киеве, Новгороде и Полоцке. Как заявил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл во время Первосвятительского визита в Беларусь, «София Киевская, София Новгородская, София Полоцкая – это как бы маяки, с одной стороны, освещающие наше общее пространство, а с другой стороны, как крепостные стены – свидетельствующие о единстве этого духовного пространства, о его силе и о его способности защищать свою самобытность. Сегодня сквозь толщу веков эти храмы напоминают нам завет предков о братстве, единстве, взаимопомощи, несмотря ни на какую политическую конъюнктуру. Всё вторично – первична наша общность, из неё должна вырастать политика»¹⁹.

¹⁹ Слово Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном акте во Дворце Республики Минска // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/750891.html>

Образование полоцкой ветви династии Рюриковичей

Белорусские историки националистического направления традиционно считают Полоцкое княжество суверенным государством и указывают в качестве одного из главных признаков полоцкой «незалежнасці» наличие у полочан «собственной княжеской династии», берущей начало от князя Изяслава Владимировича. Изяславичи якобы были обособлены от остальных князей Древней Руси и вели самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Рассмотрим, насколько данная концепция соответствует историческим фактам.

Повесть временных лет рассказывает, что в 980 году произошёл конфликт между новгородским князем Владимиром и полоцким князем Рогволодом. Причиной конфликта стало то, что дочь Рогволода, Рогнеда, отказала посватавшемуся к ней Владимиру, поскольку желала выйти замуж за его брата – киевского князя Ярополка. Вот как сию «мыльную оперу» описал древнерусский летописец: «И послал [Владимир] к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять в жёны». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она ответила: «Не хочу разуть Владимира²⁰, но хочу за Ярополка». Этот Рогволод пришёл из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Тур держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды – дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов – варягов, славян, чуди и кривичей – и пошёл на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его Рогнеду взял в жёны».

Если не считать легендарного Радима, то Рогволод, Тур и Рогнеда – первые названные летописью исторические персонажи в западных землях Руси. Вероятно, сопоставлением Рогволода и Тура автор хотел подчеркнуть их одинаковый статус – оба были правителями крупных земель Древней Руси. Оба, согласно летописи, «пришли из-за моря» и, соответственно, были варяжского происхождения. По мнению белорусского историка Эдуарда Загоруйского, Рогволод и Тур правили в Полоцке и Турове как назначенные туда киевским князем наместники. «Такое назначение, скорее всего, было сделано Святославом, о чём, впрочем, прямо говорится в Московском летописном своде конца XV века. По свидетельству этой летописи, Рогволод оказался в Полоцке «во дни Святослава Игоревича». Заметим, что Святослав княжил перед этим почти 30 лет. У него было только три сына, и потому во многие земли обширного государства были направлены наместниками верные ему люди. Такими, вероятно, являлись Рогволод и Тур»²¹, – пишет Загоруйский.

Несмотря на то, что Рогволод и Рогнеда были родом из тех варягов, которые пришли на восточнославянские земли вместе с Рюриком, самостийные историки считают их белорусами. Некоторые «свядомые» авторы доходят в своих рассуждениях о «белорусскости» полоцкого наместника и его дочери до полного абсурда. Белорусский историк Александр Гронский приводит весьма показательный фрагмент выездной лекции для молодёжи одного из «свядомых» специалистов по средневековой истории: «Исследователь утверждал, что все европейские средневековые монархи были белорусами. Логика объяснений была следующей. Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволода, была белоруской. Все подозрения о том, что Рогволод был варягом, лектором просто отметались по принципу того, что это русификаторские выдумки тех, кто хочет лишить гордых белорусов их подлинной истории. Так вот, Рогнеду (под именем Гориславы) насильно взял в жёны князь Владимир, который позже стал великим князем киевским. Поскольку, как утверждал лектор, у древних белорусов род-

²⁰ Разувание мужа – часть древнерусского свадебного обряда.

²¹ Загоруйский Э.М. Белая Русь с середины I тысячелетия до XIII века. Минск, 2014. С. 91.

ство велось по материнской линии, то дети Владимира и Рогнеды были белорусами. В том числе и Ярослав Мудрый. Итак, белорус Ярослав Мудрый стал великим князем киевским. Он выдал своих дочерей замуж за европейских монархов. Одну за венгерского короля, другую – за шведского, а третью – за французского. Таким образом, жёнами европейских королей стали белоруски, а их дети – будущие монархи – тоже являлись белорусами, т. к. они были рождены от белорусских матерей. Лектора даже не смутило то, что Ярослав Мудрый был «белорусом» по женской линии, но его жена была шведской принцессой. Следовательно, их дети, по логике белорусского учёного, должны были быть шведами. Но почему-то они стали белорусами»²².

Помимо «белоруса Ярослава Мудрого» Рогнеда родила Владимиру «белоруса Изяслава», которого местечковые националисты считают основоположником «полоцкой княжеской династии». Изяслав, действительно, княжил в Полоцке, однако туда его направил отец – Владимир Святославич, который сделал девятерых своих сыновей наместниками в разных землях Руси.

Изяслав вполне мог занять великокняжеский киевский престол после Владимира, если бы не умер в весьма раннем возрасте, ещё до кончины отца. Тот факт, что Изяславу не удалось стать великим князем, предопределил потерю его потомками юридического права на киевский престол. Дело в том, что при князе Владимире на Руси был установлен особый порядок наследования власти и распределения княжений, в соответствии с которым киевский престол после смерти великого князя переходил к его братьям в порядке старшинства, и только после того, как младший из братьев отправлялся в мир иной, трон занимал сын старшего брата. Сыновья Владимира в порядке старшинства занимали все княжения Древнерусского государства: вторым по важности (после киевского) было новгородское княжение, его занимал старший из братьев великого князя, младший брат княжил в наименее важном и значимом княжестве. Когда старший брат умирал, его место занимал следующий по старшинству князь, а все остальные переходили на освободившиеся более почётные княжения (они как бы поднимались на одну ступеньку по лестнице, а потому такая система распределения княжений получила название лестничной). Если один из братьев великого киевского князя умирал, так и не достигнув старшинства, его потомки навсегда лишались права княжить в стольном граде Киеве. Область, находившаяся под властью данного князя, выпадала из лестничной системы, и ему наследовали собственные дети и внуки. Первым из данной системы выпало Полоцкое княжество, позже то же самое произошло с рядом других древнерусских земель.

Таким образом, Изяслав Владимирович выступил основателем не новой династии (как утверждают «свядомые» историки), а лишь одной из региональных ветвей династии Рюриковичей.

Изяслав умер в 1001 году, прожив приблизительно 25 лет. Никоновская летопись даёт ему следующую характеристику: «Бысть же сий князь тих и кроток, и смирен, и милостив, и любя зело и почитая священнический чин иноческий, и прилежаще прочитанию божественных писаний, и отвращаяся от суетных глумлений, и слезен, и умилен, и долготерпелив». Изяславу наследовал его старший сын Всеслав, однако он ушёл из жизни ещё в юношеском возрасте. Преемником Всеслава стал его младший брат Брячислав.

²² Гронский А.Д. Методы национализации белорусской истории // Русский Сборник: исследования по истории России. Ред. – сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Том XII. Москва, 2012. С. 351.

Печать Изяслава с родовым знаком – трезубцем с крестообразным средним зубцом.

Брячислав Изяславич

Брячислав получил известность в связи с его нападением на Новгород и последующей битвой с киевским князем Ярославом, приходившимся ему дядей.

В 1021 году полоцкий князь совершил удачный военный поход на Новгород, захватил имущество новгородцев и с пленными горожанами оправился назад с Полоцк. Однако на реке Судоме его поджидал с войском Ярослав, который, узнав о нападении на Новгород, тотчас отправился навстречу Изяславу. В битве на Судоме Брячислав потерпел поражение и бежал в Полоцк. Пленные новгородцы были освобождены и вернулись домой.

Разбив Брячислава, Ярослав не пошёл на Полоцк, а пригласил полоцкого князя к себе на переговоры, где предложил ему: «Буде же со мною за один». Брячислав согласился и получил за это два города – Витебск и Усвят. После этого, как отмечается в летописи, «воеваша Брячислав с великим Ярославом (т. е. в союзе с ним. – Прим. авт.) вся дни живота своего». Летописец не уточнил, какие именно совместные войны вели Ярослав и Брячислав. Эдуард Загорульский предполагает, что полоцкий князь принял участие в ряде походов Ярослава против литовцев в 1040 году. «Полоцкое княжество соседствовало с литовскими племенами, и есть основания предполагать, что это соседство не всегда было мирным, – пишет Загорульский. – Не случайно с именем Брячислава связывают основание крепости Браслав на западных границах княжества, получившей своё название по имени полоцкого князя»²³.

В истории с передачей Брячиславу двух городов представляет интерес то обстоятельство, что великий киевский князь выступил в роли верховного арбитра в споре Полоцка и Новгорода, которые являлись составными частями древнерусской державы и подчинялись ему. Этот факт свидетельствует о политическом единстве Руси в XI веке.

²³ Загорульский Э.М. Белая Русь с середины I тысячелетия до XIII века. Минск, 2014. С. 95.

Всеслав Брячиславич

После смерти Брячислава на княжеский стол в Полоцке сел его сын Всеслав, одна из самых ярких фигур полоцкой истории. Древнерусские книжники никогда не были к нему равнодушны. Уже в первом сообщении о занятии им полоцкого престола автор Повести временных лет, нарушив стиль и манеру хронологического описания важнейших событий, счёл необходимым предварить рассказ о деятельности Всеслава в качестве князя некоторыми штрихами к его портрету. По словам летописца, Всеслава «мать родила с помощью волхвования. Когда мать родила его, у него на голове оказалось язвено, и сказали волхвы матери его: «Это язвено навяжи на него, пусть носит его до конца дней своих». И носил его на себе Всеслав до дня последнего своего, оттого и немилостив он был на кровопролитие». Сложно сказать, что за «язвено» имел в виду летописец. Возможно, речь шла о какой-то язве или большом родимом пятне.

В первые годы своего правления Всеслав был союзником сыновей киевского князя Ярослава (Изяслава, Святослава, Всеволода). Так, в 1060 году Ярославичи вместе с полоцким князем совершили удачный поход на торков – тюркоязычных кочевников, обитавших в причерноморских степях.

Однако в 1065 году Всеслав неожиданно напал на Псков, а в следующем году – на Новгород. Последний был взят и разграблен, Всеслав снял даже колокола с главной новгородской святыни – Софийского собора (возможно, они были нужны для только что построенного собора Святой Софии в Полоцке). Этими действиями Всеслав, по словам летописца, «начал междоусобную войну».

Зимой 1067 года великий киевский князь Изяслав и его братья, черниговский князь Святослав и переяславский князь Всеволод, двинулись на Полотчину. Первым полоцким городом, который оказался на их пути, был Минск. Жители Минска, очевидно ожидая скорого прихода Всеслава с войском, решили обороняться «затворишася въ град#». Однако минчане не смогли устоять против войск великого князя и его братьев.

Всеслав, узнав, что Минск находится в руках Ярославичей, поспешил на помощь. Битва произошла 3 марта 1067 года на Немиге – небольшой речке, истоки которой находились в районе современной Грушевки в Минске. «И была сеча жестокая, – записал летописец, – и многие пали в ней, и одолели Изяслав, Святослав и Всеволод, Всеслав же бежал».

Следует отметить, что лучшие люди Руси того времени относились к междоусобицам русских князей крайне отрицательно. В «Слове о полку Игореве», написанном неизвестным автором предположительно в конце XII века, подчёркивается братоубийственный характер битвы Ярославичей с Всеславом: «На Немиге снопы стелют головами, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были посеяны – посеяны костями *русских сынов*». Как видим, все павшие на поле брани воины – и полочане, и киевляне, и черниговцы, и переяславцы – были для автора «русскими сынами», представителями одного народа. Призывая южнорусских и западнорусских князей прекратить братоубийственную вражду, автор «Слова» восклицает: «Вы бо своими крамолами начясте наводити поганя на землю Русьскую, на жизнь Всеславлю!» Под «жизнью Всеславлю» автор понимал владения полоцкого князя Всеслава, которые мыслились как часть «земли Русской».

Летопись не рассказывает, что было дальше, после взятия Минска и победы Ярославичей над Всеславом. Неизвестно, разъехались ли южнорусские князья по домам или остались на Полотчине. Что стало с Всеславом и Полоцком? Ничего об этом неизвестно. Известно лишь, что противостояние продолжилось летом.

Повесть временных лет сообщает, что в том же году южнорусские князья стояли лагерем под Оршей. Ярославичи не желали вступать в битву с полочанами, а потому попросили Всеслава, который стоял с войском на другом берегу Днепра, переплыть к ним в шатёр для переговоров, поклявшись путём крестоцелования, что ничего с ним не сделают. Всеслав, взяв с собой двух сыновей, исполнил просьбу своих двоюродных дядей, после чего был вероломно схвачен и увезён в Киев, где его вместе с сыновьями заточили в тюрьму.

На следующий год Ярославичи потерпели жестокое поражение от половцев на реке Альте. Когда весть об этом достигла Киева, киевляне потребовали от своего князя Изяслава выдать им оружие и коней для борьбы с половцами. Перепуганный князь колебался. Тогда низы двинулись к темнице, где томился Всеслав, взломали стены и освободили его. Узнав об этом, Изяслав бежал за помощью в Польшу к своему родственнику – королю Болеславу. 15 сентября 1068 года восставшие киевские низы, вопреки правилу престолонаследия, провозгласили великим князем Всеслава. Таким образом представитель полоцкой ветви Рюриковичей всё-таки занял великокняжеский престол, несмотря на то, что не имел на это законных оснований.

Всеслав княжил в Киеве семь с половиной месяцев. Об этом периоде его деятельности летописи хранят полное молчание. Можно предположить, что всё связанное с пребыванием Всеслава на великокняжеском престоле, было изъято при редактировании летописей по требованию последующих киевских князей.

По этой причине большой интерес представляют сведения о Всеславе, почерпнутые из «Слова о полку Игореве», хотя они и облечены в образную поэтическую форму: «Всеслав князь людей судил, князьям города рядил, а сам в ночь волком рыскал: из Киева дорыскивал до петухов в Тмутаракань». В словах «Всеслав князь людей судил» историки видят намёк на какие-то реформы, проведённые князем в сфере судопроизводства. Реформы могли касаться прежде всего «людей», т. е. простого люда. Это нововведение, возможно, заключалось в том, что князь сам осуществлял судопроизводство, не передоверяя его тиунам. Выражение «из Киева дорыскивал до петухов в Тмутаракань» рассматривается как указание на организованный Всеславом поход в далёкую Тмутаракань на Таманском полуострове.

Пропустив период правления Всеслава в Киеве, автор Повести временных лет сразу переходит к рассказу о возвращении прежнего князя, Изяслава. Возвращался он не один, а с польским войском короля Болеслава. Киевляне приготовились к бою, расположившись лагерем под Белгородом. Видя превосходящие силы противника, Всеслав проявил малодушие – оставил киевское войско и под покровом ночи сбежал в Полоцк.

В 1916 году великий русский писатель и поэт Иван Бунин напишет стихотворение, в котором изобразит князя Всеслава тоскующим по киевскому престолу:

*Князь Всеслав в железы был закован,
В яму брошен братскою рукой:
Князю был жестокий уготован
Жребий, по жестокости людской.
Русь, его призвав к великой чести,
В Киев из темницы извела.
Да не в час он сел на княжьем месте:
Лишь копьём дотронулся Стола.
Что ж теперь, дорогами глухими,
Воровскими в Полоцк убежав,
Что теперь, вдали от мира, в схиме,
Вспоминает тёмный князь Всеслав?*

*Только звон твой утренний, София,
Только голос Киева! – Долга
Ночь зимою в Полоцке... Другие
Избы в нём, и церкви, и снега...
Далеко до света, – чуть сереют
Мёрзлые окошечки... Но вот
Слышит князь: опять зовут и млеют
Звоны как бы ангельских высот!
В Полоцке звонят, а он иное
Слышит в тонкой грёзе... Что года
Горестей, изгнанья! Неземное
Сердцем он запомнил навсегда.*

Вернуться в Киев Всеславу не довелось. Более того, великий киевский князь Изяслав, движимый уязвлённым самолюбием, организовал поход на Полоцк и изгнал оттуда Всеслава, посадив на полоцкий стол своего сына Мстислава, а когда тот умер, на его место сел другой сын великого князя – Святополк. Всеслав же после этого оказался далеко на севере, у финно-угорского племени водь, и оттуда пытался овладеть Новгородом, однако потерпел поражение и попал к новгородцам в плен. Оказавшись вскоре на свободе, он вновь собрал войско и в 1071 году изгнал из Полоцка Святополка.

Спустя пару лет Изяслав и Всеслав помирились и проявили обоюдное стремление к союзу. В 1073 году Всеслав сосватал своего сына Глеба за дочь Ярополка Изяславича – Анастасию, внучку киевского князя. Этим актом был заключён политический союз.

В конце 70-х годов XI века в борьбу с полоцким князем вступил Владимир Мономах, являвшийся в то время сначала смоленским, а затем черниговским князем. Он совершил несколько походов на Полотчину, последний из которых состоялся в 1084–1085 годах. С 1085 года и до смерти Всеслава в 1101 году Полоцкое княжество существовало без войн, а Полоцк получил возможность дальнейшего развития в качестве экономического и культурного центра Руси.

Составляя исторический портрет князя Всеслава, Эдуард Загорульский отмечает: «Ни один исторический деятель Западной Руси не был столь популярен, как Всеслав. Его слава и известность вышли далеко за пределы Полоцкого княжества, а сам он приобрёл черты общерусского героя»²⁴. Действительно, полоцкий князь изображён в «Слове о полку Игореве» храбрым воином, обладающим способностью перевоплощаться в волка; он также стал прототипом одного из героев русских былин – Волха Всеславьевича.

Загорульский объясняет это так: «Своей необыкновенной популярностью Всеслав, конечно, был обязан не только и не столько личным качествам, сколько обстоятельствам, сделавшим его киевским князем. Именно ореол народного избранника сделал его общерусским, почти былинным героем... Избрание Всеслава киевским князем в трагическое для Руси и Киева время после поражения от половцев нельзя рассматривать как случайное. Уже тогда в народном понимании он, скорее всего, сумел прославить своё имя военными победами... Думается, что славу ему составили победы над соседней Литвой, успехи в овладении подвинскими землями»²⁵. Как считает учёный, именно с деятельностью Всеслава следует связывать выход Полоцкого княжества к берегам Балтики, чьи народы платили дань полочанам вплоть до начала XIII века.

²⁴ Загорульскі Э.М. Заходняя Русь: IX–XIII стст. Мінск, 1998. С. 69.

²⁵ Там же. С. 70–71.

Всеслав Брячиславич. Изображение из Радзивилловской летописи.

Полоцкое княжество после Всеслава

После смерти Всеслава Полоцкая земля была разделена между его сыновьями, которых было шестеро: Борис, Давыд, Глеб, Роман, Святослав и Ростислав. Со временем они тоже стали наделять «волостями» своих детей. В результате Полоцкое княжество, подобно другим русским землям, разделилось на удельные княжения.

В 1103 году Давыд принял участие в совместном походе русских князей против половцев. Поход оказался успешным, князья вернулись домой с «полоном великим, и со славою, и с победою великою».

Однако в 1125–1127 годах полоцкие князья, желая расширить свои владения, совершили ряд нападений на земли великого киевского князя Мстислава. Для того чтобы наказать полоцких князей, Мстислав в 1128 году собрал огромное войско и направил его на Полоцк, где тогда княжил Давыд. Посланные киевским князем войска без труда взяли Логойск и Заславль и подошли к Полоцку. Здесь их ждала неожиданность. Полоцкое вече посчитало виновником войны своего князя Давыда, после чего полочане выгнали князя вместе с его сыновьями из города и направили послов к Мстиславу в Киев. С собой они привезли Рогволода Борисовича, чтобы киевский князь дал согласие на занятие им полоцкого стола. Мстислав «сотвори волю их». Таким образом, главным результатом похода войск великого князя в Полоцкую землю было изгнание самими полочанами одного князя и утверждение в Киеве другого.

Эдуард Загорульский отмечает: «Судя по итогам событий 1128 года, можно утверждать, что поход киевских князей на Полоцк не преследовал цели лишить Полоцкое княжество той степени самостоятельности, какой располагали другие земли Руси. Нет никаких данных и о территориальных потерях Полоцка. Итогом событий 1128 года стали перемены, произошедшие на полоцком княжеском столе: киевский князь не поддержал Давыда Всеславича, несмотря на то, что в прошлом он был его близким союзником. События 1128 года ещё раз показали, что Полоцкая земля была частью Руси и Киеву было безразлично, что в ней происходит»²⁶.

В 1129 году великий князь Мстислав решил организовать совместный поход Руси против половцев. О своём решении он оповестил русских князей и предложил им прибыть на совет в Киев или прислать своих представителей. Полоцкие князья ответили Мстиславу отказом: «Ты с Боняком Шолудяком (так звали половецкого хана. – Прим. авт.) здравствуйте оба и управляйтесь сами, а мы имеем дома что делать». Совершив успешный поход против кочевников, Мстислав не оставил без последствий отказ полоцких князей и сразу же после возвращения из похода, посоветовавшись с другими русскими князьями, направил в Полоцк воевод, которым было поручено объявить полочанам, что их князья отказались защищать Русскую землю от неприятелей, а потому их следует серьёзно наказать. Важно отметить, что Мстислав приказал своим воеводам ни городов, ни людей не трогать и «крови русской не проливать», а привезти в Киев на суд лишь одних полоцких князей.

И в этот раз полочане добровольно отказались от своих нерадивых правителей. В Киев были привезены Давыд, Ростислав, Святослав и «два Рогволодовича» с жёнами и детьми. Устроенный Мстиславом суд постановил сослать полоцких князей в Византию. На трёх судах, с сопроводительным письмом к императору Иоанну, зятю Мстислава, они были отправлены в Царьград. По прибытии полоцкие князья были посланы византийским императором в войско, которое вело борьбу с сарацинами (арабами). Там изгнанники проявили себя наилучшим образом.

²⁶ Загорульский Э.М. Белая Русь с середины I тысячелетия до XIII века. Минск, 2014. С. 113.

После высылки полоцких князей Мстислав направил в Полоцк своего сына Изяслава, который до этого правил в Курске. Однако в 1132 году полоцкий стол снова занял представитель местной ветви династии Рюриковичей – Василько Святославич.

Общерусская жизнь в удельный период

После смерти в 1132 году киевского князя Мстислава политическое единство Руси ослабело, наступил удельный период русской истории, во время которого княжества приобрели существенную самостоятельность в политической и экономической сферах. При этом Киев продолжал считаться старшим столом Руси и оставался объектом притязаний наиболее могущественных русских князей.

Удельный период был естественным этапом развития Древнерусского государства, и он вовсе не предполагал распада Руси на отдельные государственные образования. Бело-русский историк Яков Трещенок отмечает: «Никакого «распада» Руси не было, как не было единого централизованного государства, невозможного в ту эпоху. В IX-XIII веках у восточных славян была своеобразная архаичная федерация, иерархическая структура из отдельных земель. Роль великого княжения то вырастала, то умахалась в зависимости от исторической ситуации. Она имела тенденцию к ослаблению по мере укрепления феодальных порядков и возвышения местных центров, к переходу верховного контроля над страной от великого князя к коалициям сильнейших князей. Но на Руси, постоянно сталкивавшейся с внешними угрозами, этот процесс до конца не доходил. Наряду с центробежными всегда существовали центростремительные силы»²⁷.

Полоцкие князья были самым непосредственным образом вовлечены в общерусскую жизнь. Так, в 1203 году киевский князь Роман Мстиславич составил проект государственного устройства, по которому в случае смерти киевского князя его преемник должен был выбираться шестью крупнейшими русскими князьями, в числе которых назывался и полоцкий.

В «Житии и хождении игумена Даниила из Русской земли» (XII век) автор рассказывает о том, что, будучи в Святых местах, он молился обо всех русских князьях из рода Рюриковичей: «И о сем похвалю благаго бога, яко сподоби мя худаго имена князей русских написати в лавр# у святого Савы; и нын# поминаются имена их во октении, с женами и с д#тьми их. Се же имена их: Михаил Святополкъ, Василие Владимиръ, Давидъ Святославич, Михаилъ Олегъ, Панькратие Святославич, Гл#бъ Менский». Как видим, минский князь Глеб назван игуменом Даниилом в числе прочих русских князей.

Иностранные авторы также считали полоцкого князя одним из русских правителей. В «Хронике Ливонии», составленной немецким летописцем Генрихом Латвийским в XIII веке, дано такое описание битвы русско-половецких войск с монголо-татарами на реке Калке: «И прошёл по всей Руси призыв биться с татарами, и выступили короли со всей Руси против татар, но не хватило у них сил для битвы и бежали они пред врагами. И пал великий король Мстислав из Киева с сорока тысячами воинов, что были при нём. Другой же король, Мстислав Галицкий, спасся бегством. Из остальных королей пало в этой битве около пятидесяти. И гнались за ними татары шесть дней и перебили у них более ста тысяч человек (а точное число их знает один Бог), прочие же бежали. Тогда король смоленский, *король полоцкий и некоторые другие русские короли* отправили послов в Ригу просить о мире. И возобновлён был мир, во всём такой же, какой заключён был уже ранее». То есть поражение коалиции русских князей от татар настолько ослабило Русь, что «русской король» из Полоцка вынужден был заключить мир со своим западным врагом – Орденом меченосцев.

Местечковые националисты часто спекулируют на том, что русские князья вели войны не только с внешними врагами, но и между собой. Междоусобицы русских князей трактуются самостийными историками Беларуси как межгосударственные конфликты. Примерно

²⁷ Трещенок Я.И. История Беларуси. В 2-х ч. Ч. 1: Досоветский период. С. 32.

то же самое делают украинские самостийники, которые обычно в качестве примера межнациональных конфликтов «украинцев» и «москалей» приводят взятие Киева ростово-суздальским князем Юрием Долгоруким, а затем его сыном Андреем Боголюбским. При этом «свидомых» украинцев не смущает даже тот факт, что главным союзником Юрия Долгорукого в борьбе за Киев был галицкий князь Владимирко, а под знамёнами Андрея Боголюбского против киевского князя Мстислава сражались волынские, переяславские и новгород-северские полки, то есть дружины из тех княжеств, которые находились на территории современной Украины. Белорусские самостийные историки при всём желании не могут в полной мере перенять парадигму своих коллег с Украины: полоцкие князья чаще всего конфликтовали с южнорусскими правителями (как бы «украинцами»), а задача историков-националистов состоит в том, чтобы вбить клин между белорусами и великорусами, изобразить «извечную вражду» именно этих частей русского народа. Как же «свядомые» интеллектуалы вышли из столь затруднительного положения? Они объявили, что во время межкняжеских вооружённых конфликтов независимая полоцкая (белорусская) держава отбивалась от имперских притязаний «империи Рюриковичей» (данный термин ассоциируется скорее с Россией, нежели с Украиной).

Однако, как справедливо отмечает Яков Трещенок, «нелепо представлять междукняжеские вооружённые усобицы в виде междоусобиц войн Нового времени. Это типологически разные явления. Усобицы были домашней внутренней обыденностью и чётко противопоставлялись летописцами внешним столкновениям с иноплеменниками»²⁸. Личные интересы князей разросшейся династии Рюриковичей нередко вступали в противоречие. Военные конфликты между русскими князьями вспыхивали из-за территориальных споров, а также из-за споров о принадлежности Киева, который даже в удельный период сохранял символический статус первого престола Руси. То есть в период междоусобиц одни русские князья во главе своих дружин воевали против других русских князей за контроль над русскими городами.

Важно отметить, что князья полоцкой ветки династии Рюриковичей воевали друг с другом значительно чаще, чем с Киевом или другими княжествами Руси, причём зачастую они привлекали к своим внутренним разборкам князей из других русских земель. Например, в 1104 году полоцкий князь Давыд Всеславич вместе с дружинами южнорусских князей осаждал в Минске своего брата Глеба, а в 1158 году Рогволод Борисович, представитель полоцкой ветви Рюриковичей, при помощи полков черниговского князя Святослава Ольговича выгнал из Друцка своего ближайшего родственника Глеба Ростиславича и забрал себе этот удел Полоцкого княжества.

Этнокультурное единство Руси в удельный период получило отражение в «Слове о погибели Русской земли», написанном в первой половине XIII века. Из содержания данного произведения следует, что отдельные русские княжества со своими столицами и князьями составляли одну страну – Русь, населённую русским народом. В «Слове» дано чёткое описание границ Русской земли: «Отселе до угорь и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецъ, от немецъ до корелы, от корелы до Устьяга, где тамо бяху тоймици погании, и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгаръ, от болгаръ до буртасъ, от буртасъ до чермисъ, от чермисъ до морьдвы». Исходя из этого описания, Русская земля находилась в следующих пределах: на западе она соседствовала с землями венгров, поляков, чехов, ятвягов, литовцев и проживавших в Прибалтике немцев, на востоке – с землями волжских булгар, буртасов, черемисов (марийцев) и мордвы и на севере – с землями карелов и Белым (Дышащим) морем. Очевидно, что вся территория современной Беларуси включена в эти границы.

²⁸ Трещенок Я.И. История Беларуси. В 2-х ч. Ч. 1: Досоветский период. С. 29.

Подводя итог рассмотрению исторического развития Древней Руси, дореволюционный русский историк Николай Петров писал: «После смутного и тревожного времени разделения Руси на уделы, княжеских междоусобий и упадка Киева на двух противоположных концах Русской земли, на юго-западе в Галицко-Волынской земле и на севере в земле Суздальско-Владимирской, образуются два ядра русской государственной жизни, которые притягивают к себе соседние мелкие уделы и земли, и, наконец, ясно обрисовывается преобладающее, господствующее значение Суздальской земли, стремившейся к объединению и сплочению уже всех русских земель в одно прочное государственное целое»²⁹.

Воспринимая Владимиро-Суздальское княжество в качестве главной политической силы конца XII – начала XIII века, Полоцк стремился углубить связи с Северо-Восточной Русью. Неслучайно дочь полоцкого князя Всеслава Васильковича была выдана замуж за одного из владимирских князей – Ярополка, внука Юрия Долгорукого. Полочане участвовали в инициированных владимирским князем Андреем Боголюбским походах на Новгород и Киев. Причём то, что Андрей Боголюбский, по словам летописца, «полотским князем пойти повеле всем», свидетельствует о зависимости Полоцка от правителя Северо-Восточной Руси.

Объединению всех русских земель под властью владимирского князя помешало обрушившееся на Русь татаро-монгольское нашествие и образование Великого княжества Литовского, которое подчинило себе земли Западной Руси.

²⁹ Петров Н.И. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. Санкт-Петербург, 1889. С. 45–46.

Евфросиния Полоцкая и её крест

Символом древнерусского этапа в истории Белой Руси является преподобная Евфросиния – внучка полоцкого князя Всеслава Брючиславича, жившая в XII веке. Как гласит легенда, своей красотой и умом она превосходила всех своих современниц. Женихи искали руки княжны, однако она отказывалась выходить замуж. Родители хотели выдать её замуж насильно, но Евфросиния, узнав об этом, тайно покинула семью и убежала в монастырь, во главе которого стояла её тётка. Несмотря на просьбы родителей вернуться домой, Евфросиния осталась в монастыре и через некоторое время приняла постриг, после чего стала трудиться над переписыванием книг. Монастырь, в котором жила и работала Евфросиния, постепенно стал крупным религиозным и культурным центром, откуда книги расходились по всей Русской земле. В зрелом возрасте полоцкая монахиня совершила паломничество в Иерусалим, где в 1167 году окончила свой земной путь. Церковное почитание Евфросинии началось почти сразу после её кончины. Сегодня мощи преподобной покоятся в построенном ею Спасо-Евфросиниевском монастыре в Полоцке.

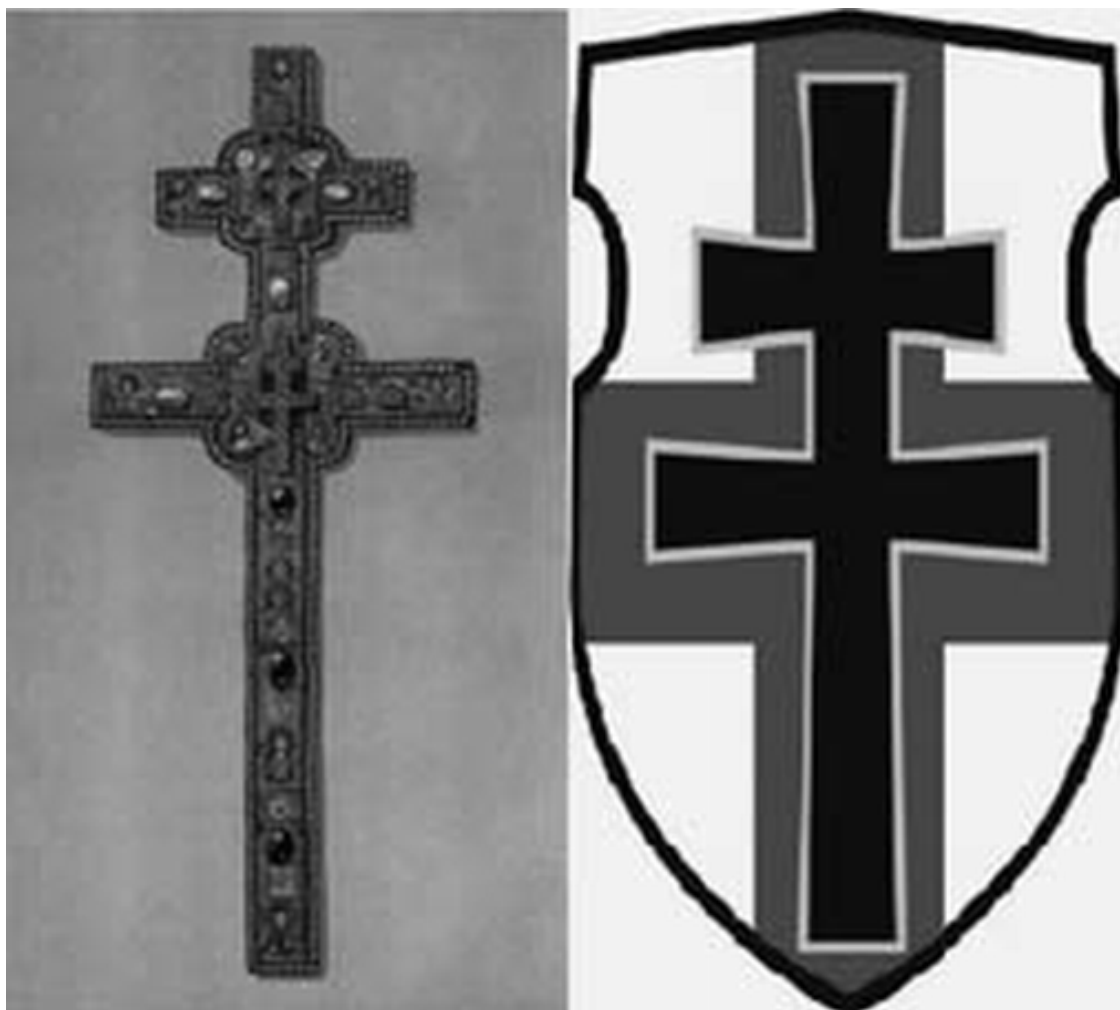
Евфросиния Полоцкая воспринималась и современниками, и потомками как общерусская просветительница. «Из корене благородна благородством и многими добротами плод процвела еси, возрастит лоза *по всей земли Русской и в Полотске граде*, осеняючи и вином веселия напояючи, Евфросиние, присно молящих ти ся», – написано в одном из канонов, составленных после прославления Евфросинии в лике святых. В том же каноне чётко отражена позиция полоцкой монахини по поводу братоубийственных междоусобиц князей из рода Рюриковичей: «Князем сродником, друг на други дерзающим подъяти меч, возбранила еси, яко оружием обоюдоострым, пресекающим, словом Божиим устрашающим»³⁰.

³⁰ Служба на преставление преподобной Евфросинии Полоцкой // Сайт Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря. URL: http://spas-monastery.by/st_euphrosyne_of_polotsk/liturgical_texts/service_on_repose_st_euphrosyne_of_polotsk.php?print=Y

В наши дни образ Евфросинии пытаются прибрать к рукам местечковые националисты, в том числе весьма радикальные. Так, крест с двумя перекладинами разной длины, представляющий собой изображение на престольного креста, который был изготовлен по заказу Евфросинии, является центральным элементом эмблемы крайне русофобского движения «Молодой фронт». «Свядомый» историк Владимир Орлов в одной из своих книг называет сей «крыж» символом «древней государственности белорусов»³¹.

³¹ Орлов В.А. Тайны полоцкой истории. Минск, 2012. С. 113.

Слева – крест Евфросинии, справа – эмблема «Молодого фронта».

Между тем на престольный крест Евфросинии Полоцкой всегда был святыней общерусского значения. Его изготовил мастер Лазарь Богша (уроженец Юго-Западной Руси) для Спасо-Преображенской церкви основанного Евфросинией женского монастыря. Крест был сделан из кипариса, покрыт золотыми и серебряными пластинами и украшен различными драгоценными камнями; внутри него, в специальных гнёздах, хранились привезённые из Византии реликвии, в числе которых была частица креста Иисуса Христа. За свою более чем восьмивековую историю крест Евфросинии не раз перемещался из одной русской обители в другую: сначала его перевезли из Полоцка в Смоленск, затем – в Москву, на своё изначальное место крест вернулся лишь по распоряжению Ивана Грозного. С той поры, как король польский и великий князь литовский Стефан Баторий передал здание Спасо-Преображенской церкви в распоряжение иезуитского коллегиума, полочане хранили святыню в Софийском соборе, пресекая многочисленные попытки иезуитов забрать её себе. В 1841 году по инициативе полоцкого епископа Василия (Лужинского) состоялось принесение креста в Москву и Санкт-Петербург. В соборной церкви Зимнего дворца древнерусскую реликвию осмотрел император Николай I. После пребывания в столице крест вернулся в Полоцк и был торжественно перенесён из Софийского собора в храм Спаса, для которого он и был изготовлен. В 20-х годах XX века большевики отобрали у церкви шедевр Лазаря Богши, сделав его экспонатом исторического музея. После Великой Отечественной войны крест Евфросинии бесследно исчез, и сегодня он входит в число самых ценных пропавших произведений искусства.

Спасо-Евфросиньевский женский монастырь. Фото С.М. Прокудина-Горского, 1912 год.

Таким образом, крест Евфросинии Полоцкой является священным символом для сторонников единства Великой, Малой и Белой Руси, а уж никак не местечковых националистов, ненавидящих общерусского наследие белорусов.

Глава 2

Белорусские земли в составе Великого княжества Литовского

Литовский период истории Белоруссии является весьма противоречивым. С одной стороны, нахождение Западной Руси в составе Великого княжества Литовского (ВКЛ) определило своеобразие населяющего её народа. С другой – наследие ВКЛ стало национальным фетишем для местечковых националистов, которые видят в этом государстве «древнюю великую Беларусь».

В своеобразном «свядомом» катехизисе «Што трэба ведаць кожнаму беларусу» один из отцов-основателей местечкового национализма Вацлав Ластовский, абсолютно игнорируя исторические факты (равно как и принцип историзма), переименовал название с «Вялікага княства Літоўскага» на «Вялікае княства Беларускае»³². И это неудивительно, учитывая, что из литовского периода выводятся две основополагающие «свядомые» мифологемы: об извечной борьбе белорусов с Москвой и о принадлежности Белоруссии к Европе, а Москвы – к Азии. Вместе с тем существенно занижается роль собственно литовского элемента в истории ВКЛ, который выступает незначительным придатком белорусского стержня. Естественным спутником подобной псевдоисторической конструкции является отрицание общерусского единства и искусственное деление общей для Руси истории на «украинскую», «белорусскую» и «московскую». Из этого следует, в частности, то, что войны между ВКЛ и Москвой – белорусско-российские.

³² Ластоўскі В. Што трэба ведаць кожнаму беларусу. Берлін, 1944. С. 12–13.

В 1990-е годы книжные прилавки Беларуси были завалены псевдоисторической макулатурой, которая пропагандировала идеи литвинизма. На фото книга историка-дилетанта, создателя современной литвинской мифологии Николая Ермаловича с говорящим названием «Белорусское государство Великое княжество Литовское».

Квинтэссенцией подобного подхода является мифология литвинизма, которая будет подробно разобрана в рамках данной главы. Согласно литвинской концепции белорусской истории, этноним «белорусы» является искусственным и навязанным Москвой с целью русификации. Истинный же этноним белорусов – «литвины». Это объясняет, почему в исторических источниках Великое княжество именовалось Литовским, а не Белорусским. Литовцев при этом именуют жмудинами или летувисами, нескромно намекая им на боковое место у тамбура.

Возникновение ВКЛ

Древнерусские источники, равно как и многие западноевропейские, говорят об отсутствии какого бы то ни было государственного строя у древних литовцев. Как сказано в «Слове о погибели Русской земли» (первая половина XIII века), «литва из болота на свет не выныкиваху». Иного мнения придерживался Генрих Латвийский, который писал (речь идёт о событиях 1207 года): «Литовцы, помня обо всех, кто были у них убиты два года тому назад рижанами и семигаллами, послали по всей Литве собирать большое войско». Сбор войска на немалой территории невозможен без наличия какой-либо формы организации общества, и очевидно, что общинной организации здесь недостаточно. Подобные примеры сбора «всех людей» можно найти и в других частях балтской этнической территории. Исходя из этого представляется вероятным наличие у литовцев племенной конфедерации во главе с нобили-тетом.

Охарактеризовать политическое устройство Литвы в начале XIII века мы можем благодаря Галицко-Волынской летописи, оставившей нам информацию о русско-литовском договоре 1219 года:

«Божиимъ повелениемъ прислаша князи Литовьскіи к великой княгини Романов# и Данилови и Василкови, миръ дающе. Быху же имена литовьскихъ князей, се старыи: Живинъбудъ, Давъять, Довъспрункъ, братъ его Мидогъ, братъ Довъяловъ Виликаиль. А жемотьскыи князи: Ерьдивиль, Выкынтъ, а Рушьковичевъ – Кинтибутъ, Вонибут, Бутовить, Виж#икъ, и сынъ его Вишлий, Китений. Пликосова, а се Булевичи – Вишимут, егоже уби Миндого тъ, и жену его пояль, и братью его побиль, Едивила, Спруд#йка, А се князи из Дяволтвы: Юдьки, Пук#икъ, Бикши, Ликийкъ. Си же вси миръ даша князю Данилови и Василку, и б# земля покойна. Ляхом же не престающимъ пакостящимъ, и приведе на ня литву, и воеваша ляхы, и много убийства створиша в нихъ».

Из этого фрагмента видно, что:

- 1) Существует прообраз великокняжеской власти в лице «старших» князей (соответственно, «младшие» – их вассалы);
- 2) Великокняжеская власть непрочна и опирается на власть «младших» князей, о чём говорит само их упоминание в договоре.

Со временем великокняжеская власть всё больше укреплялась. Миндовг, сын знатного человека, правил после Живинбуда, имел города, военную силу и вынужден был сражаться с другими нобилими за объединение литовских земель. Галицко-Волынская летопись сообщает о том, что Миндовг истребил Булевичей, подчинил Рушковичей и князей жемайтских. Характеризуя политику Миндовга, древнерусский летописец писал: «Минъдовгъ. самодръжецъ бывъ всеи земли Литовьскои... быс князящю емоу в земли Литовьскои, и нача избивати братью свою и сыновцы свої, а другия выгна изъ земли и нача княжити един въ всеи земли Литовьскои». С 1240-х годов начинается литовская экспансия на Русь, первыми попадают под власть литовцев земли Чёрной Руси – современная территория белорусского Понеманья.

С экспансией литовцев на русские земли связано множество споров в исторической науке, прежде всего из-за позиции «свядомых» исследователей, стремящихся искусственно «обелорусить» Великое княжество Литовское. После распада СССР наследие ВКЛ подверглось ожесточенному «переделу» между историками Литвы и Беларуси.

Позиция националистической части белорусской историографии выражена, к примеру, в монографии историка Алеся Кравцевича «Создание Великого княжества Литовского». В ней представлен ряд весьма спорных утверждений, которые ранее отвергались исторической наукой:

- Новогрудская земля не подвергалась завоеванию литовцами, Миндовг был приглашён править в Новогрудок местным боярством;
- после вокняжения в Новогрудке Миндовг объявил его своей столицей и начал собирать вокруг него литовские и белорусские земли;
- литовский князь действовал в интересах белорусского населения;
- белорусские земли стали ядром формирования Великого княжества Литовского.

Подобные теории нашли в белорусской исторической науке благодатную почву и начали восприниматься как неоспоримая истина. Но проблема в том, что такие исторические конструкции не находят подтверждения в летописных источниках и зачастую противоречат им.

Летописи не упоминают ни о каком соглашении между Миндовгом и новогрудским боярством, однако сообщают о множестве военных походов литовцев на русские города. Например, в 1245 году Полоцк не смог отбить нападение Литвы, и после этого похода на полоцком престоле оказались литовские князья; в 1263 году литовцы вели жёсткую борьбу с брянским князем Романом за Поднепровье. Есть сведения о завоевании и Новогрудской земли. В послании папы римского Миндовгу, датированном 1255 годом, сказано: «От тебя стало известно нам, что ты, с неутомимой энергией сражаясь против королевства Руси (Галицко-Волынского княжества. – Прим. авт.) и его обитателей, подчинил своей власти некоторые земли этого королевства»³³. К тому времени под властью Миндовга находились исключительно Новогрудская и, по некоторым предположениям, Гродненская земли. Отметим также, что первое упоминание Новогрудка под властью Литвы датировано 1248 годом. Таким образом, принимая во внимание отсутствие сведений о переговорах и договорах Миндовга с новогрудским боярством, можно констатировать, что Чёрная Русь была присоединена насильно. Факт ведения переговоров с новогрудским боярством представляется весьма сомнительным ещё и потому, что Литва разговаривала с позиции силы с такими русскими городами, как Полоцк, Брянск и Смоленск, чей политический вес был несоизмеримо большим. Почему же литовцы должны были договариваться со слабым периферийным Новогрудским княжеством, чей сюзерен, Галицко-Волынское княжество, подвергался в то время нападением татар?

В связи с этим возникают сомнения относительно того, что именно белорусское Понеманье было центром формирования Великого княжества Литовского. Очевидно, что к концу первой трети XIII столетия литовская государственность уже более-менее сформировалась. Окончательная централизация произошла при великом князе Миндовге. Ливонская рифмованная хроника называет отца Миндовга «ein könig gros» («великий король»), самого Миндовга – «богатым королём», имеющим собственный «бург» (укреплённое городище) с большим войском. Он же упоминается в русско-литовском договоре 1219 года в числе «старших» князей.

³³ Міндаў, кароль Літвіі, у дакумэнтах і сьведчаньнях / Сост. і перак. А. Жлутка. Мінск, 2005. С. 76–77.

Миндовг

Нет никаких оснований полагать, что высший слой Западной Руси играл значимую роль в формировании литовского государства или заставлял литовских князей считаться со своими интересами. Последние исследования боярства Миндовга со всей ясностью показывают, что его окружали почти исключительно литовцы: единственным русским был беглый рязанский князь-братоубийца Остафий Константинович. Остальные известные нам бояре – литовцы. Источники XVII века говорят ещё об одном русском человеке, входившем в окружение Миндовга, – Андрее Кияне, но современные исследователи считают это известие поздней вставкой.

Ещё один примечательный факт: Миндовг, начав править в Новогрудке, не принял православную веру, оставшись язычником. Между тем доподлинно известно, что русское общество того времени не принимало добровольно князей-язычников, отказывавшихся от крещения. Характерный пример – псковский князь Довмонт, от которого псковитяне потребовали принятия православия перед его восшествием на престол. Первое время не принимал православной веры и сын Миндовга Войшелк. Ипатьевская летопись описывает чудовищные зверства, чинимые Войшелком в Новогрудке: «Воишелк же нача княжити в Новогороде в поганьстве боуда, и нача проливати крови много, оубивашет бо на всяк день по три по четыре, которого же день не оубивашет кого печаловашет тогда, коли же оубивашет кого, тогда весел

башет». Столь жёсткая репрессивная политика не укладывается в представление о том, что литовские князья считались с русским боярством.

Вызывает сомнение и утверждение о том, что Новогрудок являлся первой столицей Великого княжества Литовского и вокруг него происходило формирование государства. Источники свидетельствуют о том, что Миндовг не особо дорожил Новогрудком, воспринимал земли Чёрной Руси как провинцию, а иногда и как разменную монету. Роль Новогрудка «возвысили» хронисты XVI-XVII века, которые исходили из собственных политических соображений (впервые о «столичности» Новогрудка упомянуто в «Хронике Быховца», написанной в 1520-х годах).

Новогрудок Миндовг использовал в качестве залога в переговорах со своим главным противником – галицко-волынским князем Романом Даниловичем. В 1254 году город, вместе со Слонимом и Волковыском, был передан Роману во владение. Вот как об этом пишет летопись: «Потом же Воишелкъ створи миръ с Даниломъ и выда дочь Миндогдову за Шварна, сестру свою, и приде (в) Холмъ к Данилу, оставивъ княжение свое, и восприемъ мниский чинъ, и вдасть Романови, сынови королеву, Новогородъкъ от Миндога и от себе, и Вослонимъ, и Волковыескъ, и все городы». Не правда ли, было бы странно, если б во время мирных переговоров одна из сторон отдавала в залог свою столицу?

Любопытно сопоставить уступку Новогрудка галицко-волынскому князю с передачей Миндовгом отдельных земель Ливонскому ордену. Передача периферийных территорий в ленное управление для урегулирования конфликтов была характерным для литовского князя дипломатическим ходом. После своей коронации в 1253 году Миндовг передал Ордену в лен западные территории Литовского государства: часть Жемайтии, половину Дайнавы и всю Надровию. Выполнение данных договорённостей было осложнено тем, что жемайты подняли восстание и оказали упорное сопротивление Ордену. Целью восстания был возврат в состав Литвы, поскольку жемайты считали её своей родиной. Переход под власть немцев понижал их статус и отрывал от остальных литовцев. Когда же Новогрудок возвратился под власть галицко-волинских князей, никаких пролитовских восстаний отмечено не было: по-видимому, русское население Понеманья было удовлетворено тем, что перешло под власть единокровных и единовѣрных властителей.

Вообще, вопрос о столице ВКЛ является весьма сложным. Ещё в XV веке определённого города, который можно было бы назвать столицей государства, не существовало, потому что великокняжеская резиденция находилась то в Вильне, то в Троках (но всегда в пределах литовской этнической территории).

Адомас Варнас «Коронация Миндовга»

Таким образом, «белорусоцентричная» версия начального этапа истории ВКЛ не выглядит убедительной и обоснованной. Объединение Литвы и Чёрной Руси было произведено путём захвата, а не договорённости литовского князя Миндовга с высшим слоем Новогрудка. Центром формирования Великого княжества Литовского было не белорусское Понеманье, а юго-восточная часть современной Литвы. Высший слой государства изначально был исключительно литовским в этническом плане, русское влияние было небольшим. Первую столицу ВКЛ определить весьма затруднительно, но с уверенностью можно сказать о том, что это не Новогрудок. Известия о «столичности» Новогрудка почерпнуты белорусской националистической историографией из поздних письменных источников XVI–XVII веков.

«Белорусы – это литвины!»: разбор одной фальсификации

В соответствии с литвинской теорией белорусы – это литвины, а Белоруссия – это Литва. Термины «белорусы» и «Белоруссия» гордым литвинам навязал кровавый российский царизм. Литовцы – это жмудины или летувисы.

На самом деле литвинизм построен на произвольном жонглировании историческими терминами. Как отмечает белорусская исследовательница Любовь Левшун, термин «литвин» имеет несколько значений: как этноним, политоним и идеологема (нас интересуют два первых значения).

1) «Литвин» как этническое понятие

Как этноним термин «литвин» обозначает предков современных литовцев, проживавших в Аукштайтии (Литва традиционно делится на Аукштайтию – «высокую землю», от литовского *aukštas* – «высокий», и Жемайтию – «нижнюю землю», от литовского *žemas* – «нижний»). Из древнерусских летописей известно племя литва. В Повести временных лет сказано: «А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, *литва*, зимигола, корсь, нарова, ливы, – эти говорят на своих языках, они – от колена Иафета и живут в северных странах». То есть литва (предки аукштайтов) стоит в ряду языческих и некрещеных племён, которые платят дань Руси. В это время предки белорусов составляли неотъемлемую часть русского этнокультурного пространства и уже были крещены, как и все остальные восточнославянские племена.

Литовцы же были крещены последними в Европе – в 1387 году. Вот что об этом сообщает польский хронист Ян Длугош в своей «Истории Польши»: «Этот огонь, почитавшийся варварами как вечный и сохранявшийся в Вильно, главном городе и столице народа, где жрец, называвшийся на их языке «знич», берёг его и питал усердным подкладыванием дров (а также давал ответы молящимся, вопрошавшим божество о будущем ходе вещей, будто бы получая их от Бога), король Владислав (Ягайло, находившийся на польском престоле с 1386 по 1434 год. – Прим. авт.) распорядился потушить на глазах у варваров. Капище и жертвенник, на котором совершалось заклятие жертв, король также приказал разрушить; сверх того, он повелел вырубить рощи в лесах, почитавшиеся священными, и сломать в них ограды; а ужей и гадов, которые имелись в каждом доме в качестве домашних богов, перебить и уничтожить. При этом варвары только плачем и стенаниями провожали ниспровержение и гибель своих ложных богов и божеств, не осмеливаясь роптать на повеление короля.

Когда же были сломаны и уничтожены идолы и литовцы воочию убедились в ложности своих богов и поняли, что были до того времени жертвами обмана, *всё литовское племя и народ согласились, отрекишись от древнего заблуждения, охотно и с покорной преданностью принять христианскую веру*».

Далее Длугош пишет о происхождении литовцев и их языке:

«Хотя и мало известно, ибо никто из писателей не сохранил об этом сведений, каким образом, откуда и когда *литовские* (аукштайты. – Прим. авт.) и *самагитские* (жемайты. – Прим. авт.) племена пришли в те северные области, в которых они теперь обитают, а также от какого племени они ведут свой род и начало, однако правдоподобным кажется предположение, которое ведёт к заключению (имея в виду как звуковой состав языка, так и сходные обороты речи), что *литовцы и самагиты* — латинского происхождения; и если они и не произошли от римлян, то, во всяком случае, от какого-то племени латинского имени...

Вместе с жёнами, скотом и домочадцами литовцы пришли на обширные и пустынные пространства, доступные одним зверям, почти постоянно подверженные жгучим морозам

и называемые у писателей «пущи», в северную страну, которую они по отчому и древнему имени [Италия] назвали Литалией (*ныне она, вследствие некоторого изменения, называется поляками и русскими Литва*)...

Первоначально называясь литалами, по прошествии времени от других народов получили они название литванов – путём прибавления «в» и замены «л» на «н». Будучи изгнаны из Италии междоусобными войнами и смутами, они заняли обширные пустоши между Польшей, Русью, Ливонией и Пруссией – области, в течение большей части года скованные зимней стужей.

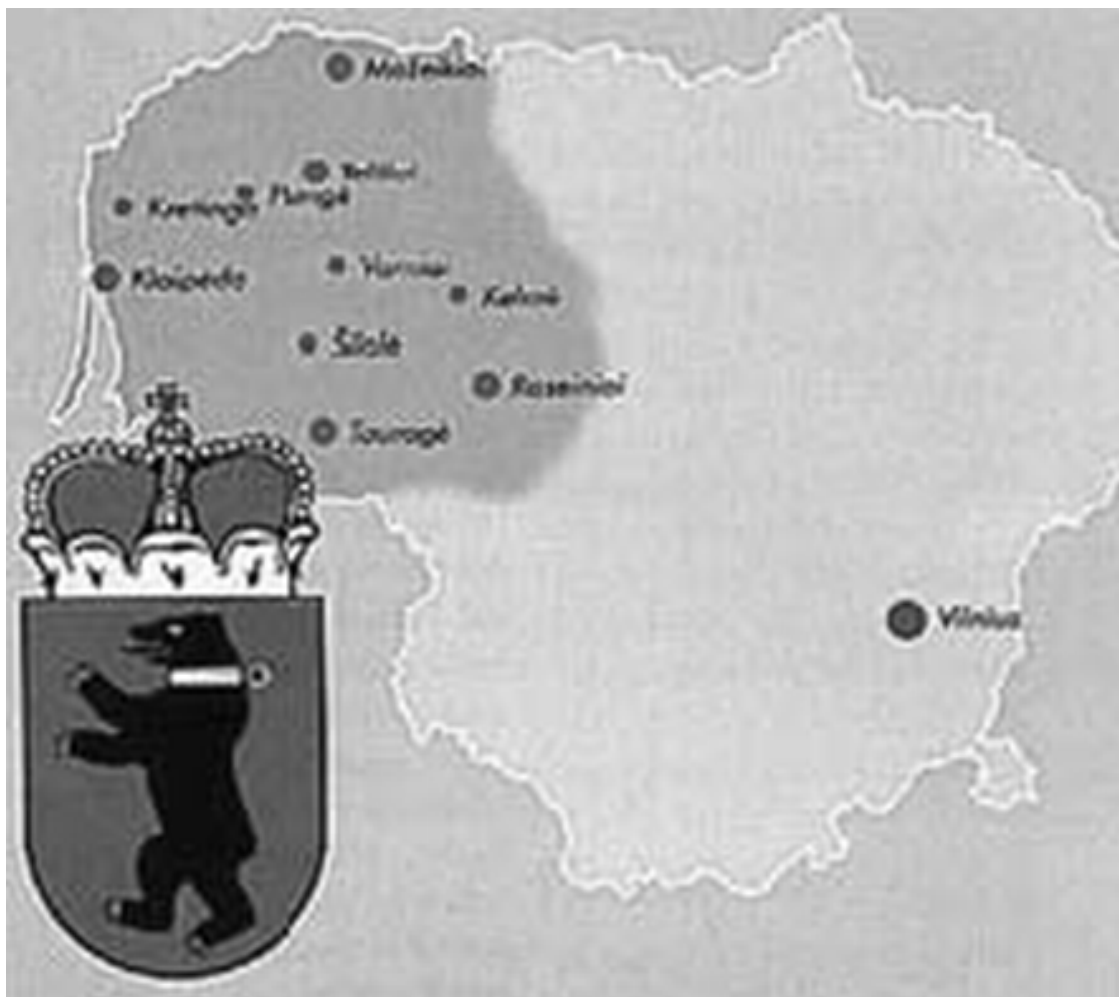
Там они основали сначала город Вильно, который и до сего дня является столицей племени, назвав его по имени князя Вилия, под водительством которого они покинули Италию и вступили в эти земли, а рекам, протекающим около города, Вилии и Вильне, дали названия по имени того же князя.

Они жили первоначально свободно, по собственным законам, ибо соседи не вмешивались в их дела, пока, размножась, не возросли числом и не опустошили нижнюю землю, обращённую к Пруссии, *на их языке соответственно называемую Самагиттия (что значит «нижняя земля»)*, а также и землю, смежную с Польшей, которую они называли «Яроцонами».

Русские, и прежде всего киевские князья, обеспокоенные продвижением литовцев (так как последние заняли леса, состоявшие во владении русских), принудили литовцев платить дань, однако жалкую и скромную, только в знак своей власти и господства; и литовцы платили много лет дань корой дубовых ветвей, ибо нельзя было взимать с них большего, вследствие бесплодия земли.

Язык у них латинский, отличающийся лишь незначительными различиями, так как он, вследствие общения с соседними племенами, уже склонился к свойствам русских слов»³⁴.

³⁴ Длугош Я. История Польши // Сайт «Восточная литература». URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Dlugos/frametext1.htm>

Жемайтия (Жмудь) на карте современной Литовской Республики. Составляет около 35 % территории современной Литвы.

В данном отрывке польский хронист воспроизводит средневековую литовскую легенду о якобы римском происхождении литовского племени. Известный мемуарист-этнограф XVI века Михалон Литвин писал: «Мы, литвины, приходим от италийцев, и в наших жилах течёт италийская кровь. У нас – римские обычаи и обряды, у нас – собственный, наполовину латинский язык, который отличается от русинского языка (то есть от западнорусского или старобелорусского, на котором написаны Статуты ВКЛ. – Прим. авт.)»³⁵. Такого же мнения придерживались Матвей Меховский, Матей Стрыйковский и многие другие летописцы. Здесь же отметим то, что Длугош говорит о единстве происхождения литовцев (аукштайтов) и самагитов (жемайтов) – двух ветвей, на которые делится сегодня литовский этнос.

А вот отрывок документа из материалов Тевтонского ордена, который использовался на арбитражном процессе 1412 года:

«А также, что замок Виллена (hus Willune) прусские братья завоевали 11 лет тому назад от неверных и врагов нашей веры литовцев (Littowen), которые назывались аукштайтами (Austenten), а предводителями у них были Сурмин, Матейко и Гаштольд. А также, что вышеуказанные предводители, у которых был отвоёван замок Виллена, как уже писалось, были

³⁵ Левшун Л. Концепт «литвины» в этнокультурном самосознании белорусов. Свидетельства письменных источников XIV–XVII веков. // Сайт научно-просветительского проекта «Западная Русь». URL: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/98-lr-xiv-xvii.html>

литовцами, и их род и теперь зовётся литовками и литовцами, и живут они в Литве, в Кульве вблизи Вилькомира (szu Colwa bi Wilkenberg), а не в Жемайтской (Samayten) земле. Также, что и замок Виллена до его завоевания прусскими братьями, как уже говорилось, удерживался и обеспечивался *литовцами, которые назывались и теперь себя называют аукуштайтами (Awstayten)*, а не жемайтами (Samayten)»³⁶.

Приведём также характерное свидетельство Матея Стрыйковского, первого историографа Великого княжества Литовского (1582 год):

«Литва тогда и старые пруссы, жемайты, курляндцы, латыши, ятвяги, *из одного народа*, с помощью одинаковых обычаев, как бытовых, так и военных, всегда выполняли церемонии *в честь своих одинаковых богов* или использовали языческие обряды.

Боги литовские, жемайтские, самбийские, латышские и прусские

А вот главные боги, которые имели эти народы:

1. Окопирнос, бог неба и земли.
2. Свайтестикс, бог света.
3. Аушлавис, бог немощных, больных и здоровых.
4. Атримпос, бог моря, прудов, водоёмов и озёр.
5. Протримпос, бог рек и всех текущих вод...»³⁷.

Как видим, Стрыйковский ставит литву в один ряд с другими балтскими племенами (жемайтами, пруссами, латышами, самбийцами) и приводит примеры их общих богов.

Примечательным нам представляется рассказ французского поэта Гильельма де Машо, участвовавшего в крестовом походе на Литву в 1329 году:

«[Король Иоанн отправился] через лёд в Литву.
Там он крестил один город,
где проживало свыше шести тысяч неверующих.
Имя того города – Медвегалис.
Не думай, что это – сказка!
Ибо король занял ещё четыре замка,
из которых управляется этот край,
именно Сиздите, замок Гедимины,
Гегуже и Аукаймис; так каждый их житель,
мужчина или женщина, погубили свою душу и тело,
и никто там не остался в живых,
хотя этого не хотел татарский хан,
которому Литва платит дань»³⁸.

Упомянутые в стихотворении крепости расположены в Жемайтии, которая воспринимается французом как неотъемлемая часть Литвы.

О том, что балтское племя литва – предки аукуштайтов, свидетельствует и археология. Археологам известна культура восточнолитовских курганов, чья восточная граница практически совпадает с современной границей между Литовской Республикой и Республикой Беларусь. Этническая атрибуция населения указанной археологической культуры не вызы-

³⁶ Scriptores rerum Prussicarum. Band 2. Leipzig, 1863. S. 711.

³⁷ Maciej Strykowski. Kronika polska, litewska, imudzka i wszystkiij Rusi // Сайт WolneLektury. URL: <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/strykowski-kronika-polska-litewska-zmudzka-i-wszystkiej-rusi.html>

³⁸ Переведено по переводу С. Ровелла на литовский язык: Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans = Gedimino laiškai / tekstus, vertimus bei komentarus parengė S. C. Rowell. Vilnius, 2003. P. VI.

вает сомнений: это то самое племя, которое фигурирует в древнерусских летописях под именем «литва» и занимает территорию, соответствующую ареалу расселения аукштайтов.

Топонимы Беларуси, оканчивающиеся на -ишки

Любопытно, что восточная граница культуры восточнолитовских курганов совпадает не только с современной белорусско-литовской границей, но и с границей топонимов, оканчивающихся на *-ишки* (типично литовские топонимы). Географические наименования, оканчивающиеся на *-ишки*, расположены тоненькой полоской вдоль границы Литвы и Беларуси.

Местоположение Литвы хорошо иллюстрирует Ипатьевская летопись. В записи за 1263 год говорится, что Войшелк, сын Миндовга, заложил Лавришевский монастырь на Немане «между Литвой и Новогрудком». К тому времени Новогрудок входил в состав Великого княжества Литовского, но этнически это была русская земля, подчинённая литовцам. Собственно Литва располагалась на территории современной Литовской Республики и чуть-чуть заходила на северо-запад современной Беларуси. Впоследствии за землёй Новогрудчины закрепились наименования Чёрная Русь и Чёрная Россия.

Пограничный город Гродно, расположенный к западу от Новогрудка, относит к Руси немецкий хронист XIV века Виганд Марбургский, описывая поход 1364 года: «Маршалек созывает войско иностранцев для обложения Гродна, намереваясь идти также против русинов»³⁹.

Таким образом, современное белорусское Понеманье – русская земля, Чёрная Русь, а не мифическая «древняя Литва» или что-то иное в этом роде. Литовцы занимали некоторые земли современной Беларуси на северо-западе, однако основным ареалом их проживания была территория нынешней Литовской Республики. Это опровергает псевдоисторическую теорию местечковых националистов о том, что «древняя Литва располагалась между

³⁹ Баранаускас Т. Новогрудок в XIII в.: история и миф. // Сайт «Средневековая Литва». URL: <http://viduramziu.istorija.net/socium/novogrudok-ru.htm>

Минском и Новогрудком». Автором этой теории был исследователь-дилетант из Минского пединститута Микола Ермолович. Критически к этой теории относятся даже некоторые белорусские историки националистической ориентации. Например, Олег Дернович пишет: «Ермолович просто взял пограничные точки топонимов «Литва», да и то не все, и обвёл их. Поэтому у него и получилось, что историческая Литва – это где-то рядом с Минском. Но подобные топонимы возникают именно на пограничной территории, а не на основной! В академической среде концепция Ермоловича непопулярна. Здесь много сторонников его идей вы не найдёте»⁴⁰.

Если проанализировать исторические источники Тевтонского ордена, одного из главных врагов Великого княжества Литовского, то всякие сомнения насчёт того, кто же такие литвины в этническом отношении, отпадают. Приведём некоторые выдержки из произведений основных авторов XIII-XIV веков.

Генрих Латвийский «Хроника Ливонии» (XIII век)⁴¹

«Литовцы же, разграбив всю окрестную область, ночью собрались все вместе в деревне Анно и рано утром ушли из страны, забрав с собой женщин, малых детей и большую добычу. В самую ночь Рождества Господня ливы, отправив гонцов, сообщили епископу, что литовское войско вступает в Ливонию, а потом гонцы, следуя один за другим, стали доносить об избиении и пленении людей, опустошении храмов и обо всём том вреде, какой причинили язычники вновь основанной церкви... По возвращении епископа в Ливонию с его пилигримами пришли к нему семигаллы (жемайты. – Прим. авт.) из Мезиотэ просить помощи против литовцев. И сказал епископ: «Если вы захотите креститься и принять законы христианства, то мы окажем вам помощь и примем вас в братское общение с нами». И сказали те: «Мы не смеем креститься из-за дикости других семигаллов и литовцев, разве только ты пошлешь к нам в замок своих людей и этим защитишь нас от нападков; оставшись с нами, они могут и совершить над нами таинство крещения и научить нас законам христианским»».

Комментарий: из приведенного отрывка видно, что литовцы – родственники жемайтов (семигаллов), балты-язычники.

Пётр из Дусбурга «Хроника земли Прусской» (завершена в 1326 году)⁴²:

«Пруссы не имели понятия о Боге. Поскольку они были глупцами, то разумом не могли постичь Его, а так как письменности у них не было, то не могли созерцать Его и в Писании. В самом начале они весьма дивились тому, что кто-то, отсутствуя, мог пояснить свои намерения буквами. И вот, поскольку они не знали Бога, то случилось, что в заблуждении своём они всю природу почитали вместо Бога, а именно солнце, луну и звёзды, гром, птиц, также четвероногих, вплоть до жабы. Были у них также священные леса, поля и реки, так что они не смели в них рубить деревья, или пахать, или ловить рыбу. Было же посредине этого погрязшего в пороке народа, а именно в Надровии (ныне территория Калининградской области. – Прим. авт.), одно место, называемое Ромов, ведущее название своё от Рима, в котором жил некто по имени Криве, кого они почитали как папу, ибо как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его [Криве] воле или повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литвины и прочие народы земли Ливонской... Ныне же литвины и прочие язычники этих мест сжигают упомянутую жертву в каком-то

⁴⁰ Олег Дернович: Зарождение ВКЛ – до сих пор одна из наиболее спорных тем для историков. // Сайт TUT.BY. URL: <http://news.tut.by/society/350417.html>

⁴¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии // Сайт «Восточная литература». URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Heinrich_Liv_2/pred.phtml?id=11681

⁴² Пётр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. // Сайт «Восточная литература». URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Dusburg/framepred.htm>

священном месте согласно их обряду, но прежде чем сжечь коней, их загоняют настолько, что они едва могут стоять на ногах».

«Во всем подобное этому видение узрел один деревенский молотильщик, человек простой, бесхитростный и богобоязненный, в земле Прусской. Когда он стоял у ворот своего дома, то ясно увидел в воздухе братьев, сражающихся с *литвинами*, и позвал к себе челядь свою и сказал: «Разве вы не видите, как *братья Господа нашего сражаются с язычниками?*»».

«В это время мощная рать пруссов, судовов и *литвинов* вторглась в землю Самбийскую и, поставив *литвинов* с одним камнемётом с одной стороны, а остальных с другим – с другой, восемь дней, ежедневно штурмуя, осаждали замок Вилов... В этой жесточайшей битве *многие язычники* были убиты и смертельно ранены; но вышеупомянутый Генрих, выстрелив из баллисты, пронзил стрелой и убил одного знатного и власть имущего человека, *вождя литвинов*, а с другой стороны выстрелил в одного мастера, который, чтобы починить камнемёт, поднялся на верх его, и стрелой пригвоздил ему руку к камнемёту; увидев это, *испуганные язычники* сняли осаду».

Комментарий: то есть литвины – такие же язычники, как пруссы и другие балтские племена. Очевидно, что это предки современных литовцев. Предки белорусов в те годы были крещены уже несколько столетий.

«В то время один *литвин по имени Пелусе*, обиженный господином своим, одним корольком, который будто бы был вторым после короля литвинов в королевстве своём, пришёл к братьям в землю Самбии <...> В тот же год и в то же время *Иесбуто, литвин*, с 500 доблестными мужами вошёл в Польшу и помимо многого зла, которое там сотворил, забрал с собой огромную добычу, состоящую как из людей, так и из прочего. Этот Иесбуто хотя и был с язычниками, однако в глубине души любил братьев <...> *Пукувер, король Литвы*, также в том году, сына своего Витеня с большим войском послал на Польшу в землю Брестскую, и он нанёс там большой ущерб убийством и пленением людей, огнём и мечом. <...> В год от Рождества Христова 1301 один *литвин по имени Драйко*, житель замка Оукайм, печалась, что так долго находится в заблуждении дьявольского обмана, и желая, отринув почитание идолов, начать служение Богу живому и истинному, тайно послал сына своего *Пинно* к брату *Вольраду* <...> Спустя несколько лет после этого один *литвин по имени Спудо*, старший над замком Путеникка, ревнитель веры и христиан, повелел брату *Вольцу*, вышеупомянутому комтуру, прийти со своим войском, ибо он хотел выдать ему вышеупомянутый замок».

Комментарий: имена литвинов – явно старинные языческие имена болтов. Несмотря на германизацию имён хронистом, нетрудно понять, что это не имена восточных славян.

Предков белорусов Пётр из Дусбурга именует не иначе как «рутены» (то есть русские). Например, говоря о событиях 1324 года, он пишет: «В том же году господин папа Иоанн XXII по предложению брата Фридриха, Ордена братьев миноритов, архиепископа Риги и тамошних горожан послал в пределы Ливонии двух легатов, а именно Бартоломея, епископа электенского, и Бернарда, аббата монастыря Святого Теофреда, епископата Ле Пюи, Ордена святого Бенедикта, чтобы они крестили *короля литвинов и рутенов*».

К 1324 году под властью Гедимины находились, помимо территории современной Литовской Республики, некоторые белорусские земли. Как видим, литвины и рутены – два отдельных народа, которыми правит Гедимин. Кто же это, если не предки современных литовцев и белорусов? Местечковые националисты вразумительного ответа на этот вопрос не дадут.

Герман Вартбергский «Ливонская хроника» (составлена около 1372 года)⁴³

⁴³ Герман Вартберг. Ливонская хроника. // Сайт «LIB.RU». URL: <http://www.lib.ru/INOOLD/BALTIA/livonia.txt>

«Он (магистр Эрнст. – Прим. авт.) предпринял большой поход в *страну литовцев в Кернове* (Кернаве – древняя столица литовцев в Аукштайтии. – Прим. авт.), и литовцы, преследуя, убили его 5 марта 1278 года вместе с 71 братом у Ашерадена; точно так же (убили) и Эйларда Обергенского, начальника ревельской земли, вместе с его людьми, далее – рыцарей Тизенгаузена и Генриха Врангеля со многими другими жителями и пилигримами».

«В том же году прусские братья опустошали с войском в продолжение целой недели землю *языческих литовцев*. На девятый день, в Сретение, была дана при речке Стребене битва, в которой пало более 10 000 литовцев и русских, призванных на помощь из различных мест, как то: *Лантмара (Владимира. – Прим. авт.), Брейзика (Бреста. – Прим. авт.), Витебска, Смоленска и Полоцка*».

Комментарий: Герман Вартбергский рисует нам ту же картину, что и Пётр из Дусбурга. Литовцы – балты-язычники, а восточные славяне – русские. Русские города, как видно из приведённого отрывка, располагаются на территории современной Республики Беларусь и Российской Федерации.

«В [1370] году, в субботу после Reminiscere (9 марта), гольдингенский командор вместе с курляндцами напал на *Литовскую* землю, которую он опустошил, а именно: *Плутен, Малове, Варнен и Меденикен* по направлению к так называемому *Плудденскому озеру*, причем он переночевал в Верзевене и увёл с собой 320 человек обоего пола».

Комментарий: не все перечисленные топонимы идентифицированы историками, однако известно, что Варнен – городок к востоку от Клайпеды, а Меденикен – Мидинганы в Литве.

Виганд Марбургский «Новая прусская хроника» (составлена около 1394 года)⁴⁴

«Некоторое время тому назад говорилось, что королём в Плоскове (Полоцке. – Прим. авт.) был сын Альдгарда. *Рутены же и помыслить не могли, чтобы королём их был язычник, и изгнали его*. Впоследствии Скиргал с великим войском *вторгся в Россию*, намереваясь силой *взять Плоское*; но рутены обороняли город, и потому Скиргал направил послов к ливонскому магистру, обращаясь к нему за помощью и обещая дать небольшую землю в вечное владение ордену и прося поспешить, ибо рутены, несмотря на множество нападавших, оказывали ему мощное сопротивление».

Комментарий: очевидно, что предки белорусов – «рутенны» (русские). Характерно и неприязненное отношение полочан к литовцам-язычникам.

2) «Литвин» как политическое понятие

Как политоним термин «литвин» обозначал всех подданных Великого княжества Литовского вне зависимости от их этнической и конфессиональной принадлежности. На этом часто спекулируют местечковые националисты. Проводя аналогии, можно сказать, что политоним «литвин» – аналог современных терминов «россиянин», «казахстанец», «латвиец». Разумеется, применение политонима «россиянин» не предполагает того, что, к примеру, татарин является славянином или «истинным русским». Это очевидно для всех здравомыслящих людей. Однако местечковые националисты игнорируют эту прописную истину и причудливым образом смешивают этноним с политонимом.

В письменной традиции Московской Руси XVI–XVII веков термин «литвин» употреблялся в отношении всех подданных великого князя литовского, независимо от их происхождения. Приведём пример: «И апреля в 11 день литвин шляхтич Семён Судовской пытан,

⁴⁴ Виганд Марбургский. Новая прусская хроника // Сайт «Восточная литература». URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Wigand_Marburg/text1.phtml?id=10599

и с пытки говорил те же речи, что и в роспросе сказывал»⁴⁵. Очевидно, что этот шляхтич – русский (русин) по своему этническому происхождению и самосознанию. То же самое относится к термину «литовский язык», который применялся московскими писцами в отношении западнорусского литературного языка. Называя западнорусский язык «литовским», москвитяне указывали на то, что эта русская литературная традиция распространена в Великом княжестве Литовском и несколько отличается от московской литературной традиции (в частности лексикой, так как в западнорусском языке было много полонизмов).

Литвинами москвитяне называли выходцев не только с территории современной Беларуси, но и с территории Украины: «В нынешнем, государь, 131-м году декабря 6 день приехали в Путивль из Литовской земли, из Лубен, 2 чорных старца, сказалися монастыря Преображенья Господа Бога Спаса нашего»⁴⁶. Этот документ датируется 1622 годом, и речь в нём идёт о городке Лубны (ныне Полтавская область Украины). Данная территория ещё со времён Люблинской унии входила в состав Короны Польской, а не Великого княжества Литовского, но в сознании московских людей эти территории оставались Литвой. Ещё пример: «Севский воевода Михаил Еропкин в отписке, полученной в Розряде 29 марта, доносил: «марта в 15 д. переехал на твоё государево... имя в Севеск из Новагородка-Северскаго литвин»⁴⁷. Новгород-Северский – город в нынешней Черниговской области Украины. Если исходить из логики местечковых националистов, Украина – тоже Литва, а украинцы – литвины. Полагаем, украинским «свідомим громадянам» такой расклад не понравится.

Характерен пример русского (восточнославянского) первопечатника Франциска Скорины, издавшего в 1517 году «Библию русскую». В известных нам документальных свидетельствах о его жизни и деятельности он 7 раз назван русином («господин Франциск, сын покойного господина Луки Скорины из Полоцка, русин...») и лишь один раз литвином – когда шло перечисление студентов из разных концов Европы: «Матей из Семниклош, Андрей из Зинты, Иоанн из Горав, Томаш из Подляшья, Франциск из Полоцка, *литвин*»⁴⁸.

⁴⁵ Расспросные речи литвина шляхтича Семена Судовского о количестве войска в Мстиславле и о намерении гетмана Хоткевича идти под Смоленск // Сайт «Восточная литература». URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1560-1580/Akty_Popov_I/61-80/63.htm

⁴⁶ Из отписки путивльских воевод о приезде в Путивль посланцев архиепископа И. Копинского, сообщивших о желании православного украинского духовенства, крестьян и запорожских казаков перейти в русское подданство // Сайт «Восточная литература». URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620-1640/300let_voss/1-20/7.htm

⁴⁷ Отписка севского воеводы «о польских вестях», сообщённых ему выходцем из Литвы Яном Заблоцким, и роспрос Заблоцкого в Разряде // Сайт «Восточная литература». URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1560-1580/Akty_Popov_I/321-340/332.htm

⁴⁸ Документы о Франциске Скорине // Сайт «История Беларуси IX–XVIII веков. Первоисточники». URL: http://starbel.narod.ru/skar_zhycc.htm

«Библия русская» Франциска Скорины. Прага, 1517 год.

«Свядомые» интеллектуалы часто говорят, что русин – это обозначение православных людей. Однако анализ исторических источников опровергает эту теорию. Если русин – это православный, то как быть с протестантами Симоном Будным и Василием Тяпинским? Первый издал в 1562 году «Катехизис... для простых людей языка русского». Второй прямо заявлял, что он «не итальянец, не немец, не доктор и не может считаться попом», он обычный «русин... своей Руси служащий»⁴⁹. То есть протестант Тяпинский чётко обозначил своё русское этническое самосознание.

⁴⁹ Тяпинское Евангелие // Сайт «Книжные памятники Архангельского Севера». URL: http://virtmuseum.aonb.ru/z5/z5_te.html

царя, и други его, серебром и златом ис казны своея понемалу одаривъ и свѣтлая портища подавъ имъ, и паки отпусти их на сѣчу казанцевъ»⁵¹.

Вне всяких сомнений, в источниках есть упоминания и о «русской вере» (православии), и сам термин «русин» используется для обозначения конфессиональной принадлежности, однако конфессионим является производным от этнонима, а не наоборот. Иначе выходит полный абсурд: придётся признать существование «православного языка» (непонятно, где же в таком случае «буддистский» или «протестантский» языки).

Об общерусском единстве неоднократно упоминали иностранные авторы, которые видели ситуацию со стороны. К примеру, австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн в своём знаменитом труде «Записки о Московии» (1549 г.) писал: «Из государей, которые ныне правят Руссией, первый – великий князь московский, которому принадлежит большая её часть, вторым является великий князь литовский, третьим – король польский, сейчас владеющий как Польшей, так и Литвой»⁵². В первой трети XVI века Великому княжеству Литовскому принадлежали восточнославянские территории Белоруссии, Подляшья, Волыни, Среднего Поднепровья и части Подолья. Корона Польская владела Червонной Русью, Холмщиной и другой частью Подолья с городом Каменцом. Остальные области давно канувшего в Лету Древнерусского государства находились под скипетром московского великого князя (Северная и Северо-Восточная Русь, Северщина, Смоленщина и другие земли).

⁵¹ Казанская история // Сайт Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5148>

⁵² Герберштейн С. Записки о Московии. В 2 т. Т.1. Москва, 2008. С. 41.

Сигизмунд Герберштейн

Под словом «Россия» Герберштейн понимал следующую территорию: «Россия граничит с Сарматскими горами (Карпатами. – Прим. авт.) неподалеку от Кракова, а раньше простиралась вдоль реки Тираса, что на языке тамошних жителей именуется Днестром, до Понта Эвксинского (Чёрного моря. – Прим. авт.) и реки Борисфена (Днепра. – Прим. авт.)...»⁵³ В состав России австриец включал также Среднее Поднепровье с Черкассами и Киевом, «некогда столицей России», Северскую область, междуречье Оки и Волги и земли вплоть до Русского Севера. Кроме того, автор указал, что Литва и Жемайтия (области прожи-

⁵³ Там же. С. 39.

вания этнических литовцев) расположены «среди русских»⁵⁴. И добавлял при этом: «Весьма многие подданные этих областей, даже в столице Вильне, являются русскими». Очевидно, здесь речь идёт не о подданных московского государя, а о жителях Западной и Юго-Западной Руси (нынешних Беларуси и Украины).

Согласно Герберштейну, русские территории Московии, ВКЛ и Польши связывает не только общая политическая история IX-XIII веков, но и единство корней. Сразу после описания политического разделения русских земель между московской и польско-литовской монархиями сказано: «О происхождении своём им известно только то, что сообщают их летописи... Этот народ славянский от колена Иафетова»⁵⁵. Далее идёт описание русской истории. Следовательно, в начале XVI века восточнославянское население осознавало общность своего происхождения и истории. По крайней мере, внимательный глаз имперского посланника видел именно это. Необходимо добавить, что Герберштейн получал информацию и от московских подданных, и от подданных Великого княжества Литовского и Короны Польской, поэтому мог делать выводы самостоятельно.

Сведения Герберштейна не противоречат информации из других источников. Так, в «Трактате о двух Сарматиях» (1517 г.) польский хронист Матвей Меховский писал: «Сверх того заметим, что весь этот четвероязычный народ (литовцы. – Прим. авт.) по вере подчиняется римской церкви, а в других окрестных провинциях, в Новгороде, Пскове, Полоцке, Смоленске и затем к югу за Киев, живут все русские, говорят по-русски или по-славянски, держатся греческого обряда и подчиняются патриарху константинопольскому»⁵⁶.

Войны между Московской державой и Литвой являлись борьбой за объединение всех русских земель под одной властью. Великое княжество Литовское не являлось исключительно литовским государством: до начала XVII века делопроизводство в стране велось на западнорусском литературном языке, большинство шляхетских родов происходило из древних русских фамилий (Острожские, Сапегы, Ходкевичи, Огинские и многие другие), и до полонизации и окатоличивания они являлись носителями русского самосознания и исповедовали православие. Основную массу населения составляли русские (предки белорусов и украинцев), из девяти воеводств Литвы в первой половине XVI века шесть являлись русскими (Волынское, Киевское, Полоцкое, Новогрудское, Витебское и Подляшское).

Примечательно описание Сигизмундом Герберштейном битвы при Ведроши, состоявшейся в 1500 году. В «Записках о Московии» предводитель литовского войска Константин Острожский назван «русским герцогом», при этом московские воины именуются и москвитами, и русскими⁵⁷. О мятежном князе Михаиле Глинском Герберштейн писал так: «Меж тем Михаил Глинский, происходивший из знатного рода и семейства русских государей, который некогда при Александре пользовался большой властью, бежал к великому князю московскому»⁵⁸. Видный представитель рода Глинских вёл свою родословную от знатного киевского рода, осевшего в Великом княжестве Литовском при Витовте.

Нельзя обойти стороной проблему иностранного наименования русского государства. Иностранцы, беря пример с поляков, часто называли Московскую Русь Московией, а её жителей – москвитами. Однако самоназвание подданных великого князя московского чётко отражено в «Записках» Герберштейна: «Народ этот, говорящий на славянском языке, исповедующий обряд и веру Христову по греческому обычаю, называющий себя на родном языке

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 41.

⁵⁶ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях // Сайт «Восточная литература». URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Mehovskij/ frametext2.htm>

⁵⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. В 2 т. Т.1. Москва, 2008. С. 73.

⁵⁸ Там же. С. 81.

Russi, а по-латыни именуемый Rhuteni, столь умножился, что либо изгнал живущие среди него иные племена, либо заставил их жить на свой лад, так что все они называются теперь одним и тем же общим именем «русские» (Rhuteni)»⁵⁹.

Ошибку западноевропейцев в этнониме жителей Великороссии отмечал французский путешественник XVII века Жак Маржерет: «Ошибочно называть их москвитами, а не русскими, как делаем не только мы, живущие в отдалении, но и более близкие их соседи. Сами они, когда их спрашивают, какой они нации, отвечают: русские, а если их спрашивают, откуда, они отвечают: из Москвы, Вологды, Рязани или других городов»⁶⁰. Он же добавлял: «Нужно также знать, что есть две России, именно: та, что носит титул империи, которую поляки называют Белая Русь, и другая – Чёрная Русь, которой владеет Польское королевство и которая примыкает к Подолии»⁶¹. Стоит пояснить, что иногда иностранные авторы называли Белой Русью Московское государство, а Чёрной Русью считали русские земли, находящиеся под властью Великого княжества Литовского и Королевства Польского. К XVIII веку значение данных терминов поменялось: Белой Русью стали называться земли Восточной и Центральной Белоруссии, а Чёрной Русью – территория верхнего течения Немана. При этом наблюдалась устойчивая тенденция к распространению названия «Белая Русь» на всю территорию нынешней Беларуси.

Также нелишним будет упомянуть свидетельство католического историка Цезаря Барония, который писал в 1602 году: «Московия получила своё название по названию реки, на которой находится её столица, но она есть частью Руссии»⁶². Под «Руссией» понималось общее для всех русских (восточных славян) этнокультурное пространство.

Таким образом, в начале XVI века термин «Русь» (в различных вариациях: «Руссия», «Россия», «Русская земля» и т. д.) обозначал разделённую между Польшей, Литвой и Москвой территорию расселения восточных славян, а этнонимом «русские» назывались все восточные славяне, расселённые от Карпат до восточных окраин Московской державы. Термины «москвит» и «литвин» обозначали подданство, однако под «литвинами» в узком смысле слова понимались этнические литовцы.

⁵⁹ Там же. С. 35–36.

⁶⁰ Ж. Маржерет. Состояние Российской империи и великого княжества Московии. // Сайт «Восточная литература». URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Margeret/pred1.phtml?id=897>

⁶¹ Там же.

⁶² Baronius C. Annales ecclesiastici. Venetis, 1602. P. 542.

Чьё государство ВКЛ?

Итак, перед нами встаёт главный вопрос: кому же принадлежит «право собственности» на ВКЛ? Местечковые националисты дают простой ответ: конечно же, современной Республике Беларусь. Именно из Великого княжества Литовского они выводят историю белорусской государственности, начисто игнорируя древнерусский период (в этом их отличие от украинских братьев по разуму: те видят в Древней Руси «украинскую державу»).

Начнём с того, что повторим установленный выше факт: Великое княжество Литовское образовалось благодаря захвату западнорусских земель литовцами, а не путём каких-либо мифических договорённостей. Элита государства, по крайней мере в начальный период, была практически полностью литовской по своему этническому составу. Среди всех правителей ВКЛ, а впоследствии и Речи Посполитой, нет ни одного (!) белоруса (точнее, предка белорусов, поскольку белорусы тогда ещё не оформились в отдельный (суб)этнос). Единственный восточный славянин на литовском троне – Михаил Корибут Вишневецкий, происходивший с Волыни. При этом показательно, что он начисто утратил русское самосознание и ополячился.

Пожалуй, самыми забавными действиями местечковых националистов по «обелорусиванию» ВКЛ являются их тщетные попытки доказать славянскую этимологию имён великих князей литовских. На самом деле происхождение имён правителей ВКЛ, безусловно, литовское.

Имя	Этимология
Миндаугас (рус. Миндовг)	<i>mintis</i> «мысль» <i>daug</i> «много» «Многомыслящий» (ср. польск. Болемысл)
Гедиминас (рус. Гедимин)	<i>gedauti</i> «тосковать» <i>mintis</i> «мысль» «Стремящийся мыслить» (тоска и стремление – синонимы, ср. нем. Sehnsucht – стремление и тоска)
Альгирдас (рус. Ольгерд)	<i>alga</i> «вознаграждение» <i>girdas</i> «слух, известие» «Известный вознаграждением»
Йогайла (рус. Ягайло)	<i>joti</i> «ехать верхом» <i>gailas</i> устар. «сильный» «Сильный всадник»
Витаутас (рус. Витовт)	<i>išvydo</i> «он увидел» <i>tauta</i> «народ» «Видимый народом»

В русских летописях, немецких и польских хрониках имена литовцев переделывались на свой лад (так же, как скандинавы, к примеру, называли русского князя Владимира Вальдемаром или поляки называют Джорджа Вашингтона Ежи). Однако очевидно, что сами литовцы употребляли собственные наименования.

Любопытно, что у современных литовцев сохранились древние литовские имена, а у белорусов – древнерусские. Половина Литвы носит имена Витаутас, Альгирдас, Миндаугас, а половина Беларуси – Владимир, Ярослав, Святослав.

Теперь зададимся вопросом: если великие князья и большая часть элиты ВКЛ – литовцы, а большинство населения – русские, то чьё же это государство? Очевидно, литовское, созданное путём завоевания русских земель. Действительно, русское культурное влияние было велико, поскольку литовцы стояли на более низкой ступени развития, нежели предки белорусов и украинцев: в отличие от литовцев, русские были крещены, имели письменность, высокую культуру, развитые города. Однако это было влиянием подвластных на власть имущих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.